

Пьер Паскаль

Протопоп

АВВАКУМ

и начало раскола

Пьер Паскаль

**Протопоп Аввакум
и начало Раскола**

«Языки Славянской Культуры»

1938

УДК 94(47)
ББК 63.3(4Фра)5

Паскаль П.

Протопоп Аввакум и начало Раскола / П. Паскаль — «Языки Славянской Культуры», 1938

Классический труд выдающегося французского слависта Пьера Паскаля (1890—1983), принесший ему заслуженную мировую славу, впервые переведен на русский язык. За него будущий профессор кафедры русского языка и литературы в Сорбонне был удостоен ученой степени доктора славяноведения «с наивысшим отличием». Сразу после своего первого издания в 1938 г. монография на многие десятилетия сделалась настольной книгой по истории русского религиозного катаклизма второй половины XVII века и не утратила своей научной ценности до наших дней. Книга, написанная на основании сравнительного исследования многочисленных первоисточников, с которыми французскому ученому довелось в 1920—1930-е годы работать в московских архивах, является наиболее полной в мире биографией протопопа Аввакума, своеобразной энциклопедией раннего старообрядчества. Написанная прекрасным литературным языком, с привлечением огромного пласта документов той эпохи, работа, которую можно назвать образцом научной прозы, детально и объективно прослеживает глубинные причины Раскола Русской Церкви, трагические последствия которого сказываются до сих пор.

УДК 94(47)
ББК 63.3(4Фра)5

© Паскаль П., 1938

© Языки Славянской Культуры, 1938

Содержание

«Прекрасная книга французского ученого»	7
Предисловие ко второму изданию[37]	31
Предисловие	32
I	32
II	36
III	40
Предупреждение	45
Глава I	46
I	46
II	49
Первый период (1616–1633): Филарет и Дионисий	52
I	52
II	56
III	63
IV	67
Второй период (1633–1645): Иван Неронов, Капитон и справщики	71
I	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Паскаль Пьер

Протопоп Аввакум и начало Раскола

© С. С. Толстой (наследники), 2011

© Е. М. Юхименко, вступит. ст., 2011

© Знак, 2011

* * *

«Прекрасная книга французского ученого»

Так охарактеризовал работу Пьера Паскаля «Протопоп Аввакум и начало раскола: Религиозный кризис XVII века в России» представитель первой волны русской эмиграции, крупный славист, занимавшийся сходной проблематикой, С. А. Зеньковский¹. Написанное на обширном документальном материале, в том числе архивном, содержащее глубокое осмысление духовного состояния русского общества и причин раскола в русской церкви, фундаментальное исследование П. Паскаля, опубликованное в Париже в 1938 г.², составило эпоху в изучении религиозных проблем XVII в. и раннего старообрядчества. Этот труд хорошо известен специалистам, вошел он и в отечественную историографию (см. работы В. И. Малышева, А. Н. Робинсона, Н. С. Демковой, Н. В. Поньрко, Н. Ю. Бубнова, А. Т. Шашкова). И все же из-за практической недоступности иностранных изданий и отсутствия перевода на русский язык книга П. Паскаля не заняла в отечественной науке достойного ее места. Более того, пронизанная единой концепцией, отличающаяся глубоким сочувствием к участникам исторической драмы, написанная хорошим языком, работа французского ученого по своему общественному звучанию выходит за рамки исключительно научного обихода и, без сомнения, представляет большой интерес – даже спустя более полувека с момента выхода – для всех интересующихся российской историей, религиозным конфликтом середины XVII в. и его трагическими последствиями, дающими о себе знать даже сегодня.

Обращение Пьера Паскаля к теме протопопа Аввакума стало переломным моментом в удивительной, полной приключений биографии выдающегося слависта³.

Пьер Паскаль родился 22 июля 1890 г. в семье, буржуазность которой, по его же собственным словам, не нравилась ему уже в детстве. К этим же юным годам восходит и любовь будущего ученого к русскому языку (интерес мальчика был столь очевиден, что его отец, учитель латинского языка Шарль Паскаль, нанял мальчику частного учителя). Вместе с русскими газетами Пьеру попала в руки листовка: влияние революционных идей предопределило его жизнь на несколько десятилетий. В 1910 г. Паскаль, тогда студент Эколь Нормаль, впервые приехал в Россию. Эту поездку он предпринял по совету специалиста по П. А. Чаадаеву аббата Шарля Кене, который был учеником аббата Порталья, основавшего в Париже центр по изучению России и перспектив соединения церквей (христианский социализм аббата Порталья сыграл значительную роль в формировании личности Паскаля: истинный католик, он серьезно увлекся идеей соединения церквей). Во время своей второй поездки в 1911 г. Паскаль работал в Публичной библиотеке в Петербурге над дипломной работой «Жозеф де Местр и Россия» вместе со своими учеными соотечественниками Андре Мазоном, писавшим диссертацию о Гончарове, и Андре Лиронделем, занимавшимся творчеством А. К. Толстого. Тогда же П. Паскаль познакомился с Н. И. Кареевым и А. А. Шахматовым и стал членом Французского института в Петербурге. По возвращении во Францию и сдаче конкурсных экзаменов по филологии, открывавших доступ к государственной службе, и выпускного экзамена в Школе восточ-

---

¹ Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 22.

² Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. 1e éd. Paris, 1938; 2 éd. Paris, 1963.

³ Пьеру Паскалю было посвящено два сборника (по случаю его 70-летия и 90-летия): *Mélanges Pierre Pascal // Revue des Études Slaves*. Paris, 1961. Т. 38; 1982. Т. 54. Во второй сборник, помимо других материалов, вошли автобиографический очерк самого П. Паскаля (*Mon père Charles Pascal*), воспоминания об ученом и библиография его трудов. О П. Паскале см. статью и некролог В. Водова: *Russia Mediaevalis*. München, 1987. Т. 6(1). S. 320–324; ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 434–436; а также: *Кокен Ф.-К.* Пьер Паскаль (1890–1983): его политический и духовный путь // *Из глубины времен*. СПб., 1997. Вып. 8. С. 130–141; *Струве Н.* Петр Карлович Паскаль (1890–1983): Памяти учителя-друга // *Струве Н.* Православие и культура. М., 2000. С. 197–201. Ценные биографические данные содержит книга ученика П. Паскаля, профессора Женевского университета, академика Европейской академии Жоржа Нива: *Нива Ж.* Возвращение в Европу. М., 1999. С. 112–128.

ных языков, Паскаль вынужден был отбывать воинскую повинность, с началом войны он попал на фронт. После ранений его прикомандировали к Генеральному штабу в качестве переводчика. В апреле 1916 г. послали в Петербург во французскую военную миссию. Эта поездка затянулась на 17 лет.

П. Паскаль. Москва. 1917 г. *Личный архив Micheline u Roch Pascal*

Паскаль предчувствовал революционный взрыв. Он вел активную переписку со своими единомышленниками по соединению церкви, разделял их намерение (идея аббата Пор-

таля была поддержана даже премьер-министром Франции Ж. Клемансо) послать в Петербург с этими целями делегацию, в состав которой должен был войти и Паскаль. Неудачей этих планов объясняются отказ Паскаля вернуться во Францию в октябре 1918 г., его сближение с большевиками и участие в создании группы французских и английских коммунистов в Москве (сентябрь 1918 г.). «Русский дневник», который вел на протяжении десяти лет француз, решившийся остаться в стране, способной, по его тогдашним воззрениям, воплотить идеал человечества, поражает своей искренностью и дает возможность проследить все перипетии идейных взглядов и духовной жизни автора⁴. В Церкви Паскаль видит ту общую почву, на которой, по его мнению, можно примирить два противоборствующих мира – старый и новый. В сентябре 1918 г. Паскаль ежедневно бывает у обедни во французском костеле св. Людовика на Малой Лубянке, следит за ходом Поместного собора Русской Православной Церкви, посещает философско-религиозные собрания, где знакомится с Андреем Белым, и с грустью записывает в своем дневнике: «Я последователь социалистического учения, оно прекрасно и истинно, пока не отрицает христианства; я христианин, не отрицающий социализма. Зря социализм так пылок в отрицании, ведь он и сам еще не вполне знает, что он такое»⁵.

Паскаль был полностью погружен в бурный водоворот российской революционной жизни. Он восхищался Лениным, приветствовал ограничение гражданских свобод. Посещая тюрьмы и лагеря, включая Соловки, не видел очевидного. Любовь к России стала причиной того ослепления, которое на несколько лет охватило Паскаля. Издатель его дневников Жорж Нива отмечал: «Он жил в стране, которую любил... (...) В его дневнике встречаются молитвенные обращения: “О русский народ, ты ищешь блага, а тебя обманывают везде и всегда”. (...) Читая “Русский дневник”, отдаешь себе отчет в том, что в России и в коммунизме Паскаль обрел “большую семью”. Его восторг безграничен»⁶.

Паскаль принимал активное участие в воплощении революционных идеалов. Работал в Народном комиссариате иностранных дел секретарем наркома Г. В. Чичерина, присутствовал при основании Третьего Интернационала, вел ежедневные радиопередачи на французском языке; активно пропагандировал советское государство в московской и левой французской печати. В 1921 г. Паскаль женился на Евгении Александровне Русаковой, дочери русского социалиста-эмигранта, который жил в Марселе и был выслан из Франции в 1918 г.; она служила секретарем-машинисткой в Коминтерне. В 1922 г. Паскаль в качестве переводчика участвовал в работе советской делегации на международных конференциях в Женеве, Гааге и Лозанне.

Однако с этого времени Паскаля начинают одолевать все более нарастающие сомнения относительно своих идеалов, постепенно он отходит от активной агитационно-пропагандистской работы, возобновляет свои поездки по России, а в 1925 г. покидает Коминтерн и поступает на должность научного сотрудника в Институт Маркса – Энгельса, которым руководил бывший меньшевик Д. Б. Рязанов. Как замечает Ж. Нива, «в этой тихой пристани для бывших энтузиастов Паскаль работает во Французском кабинете, разбирая архив Гракха Бабефа»⁷.

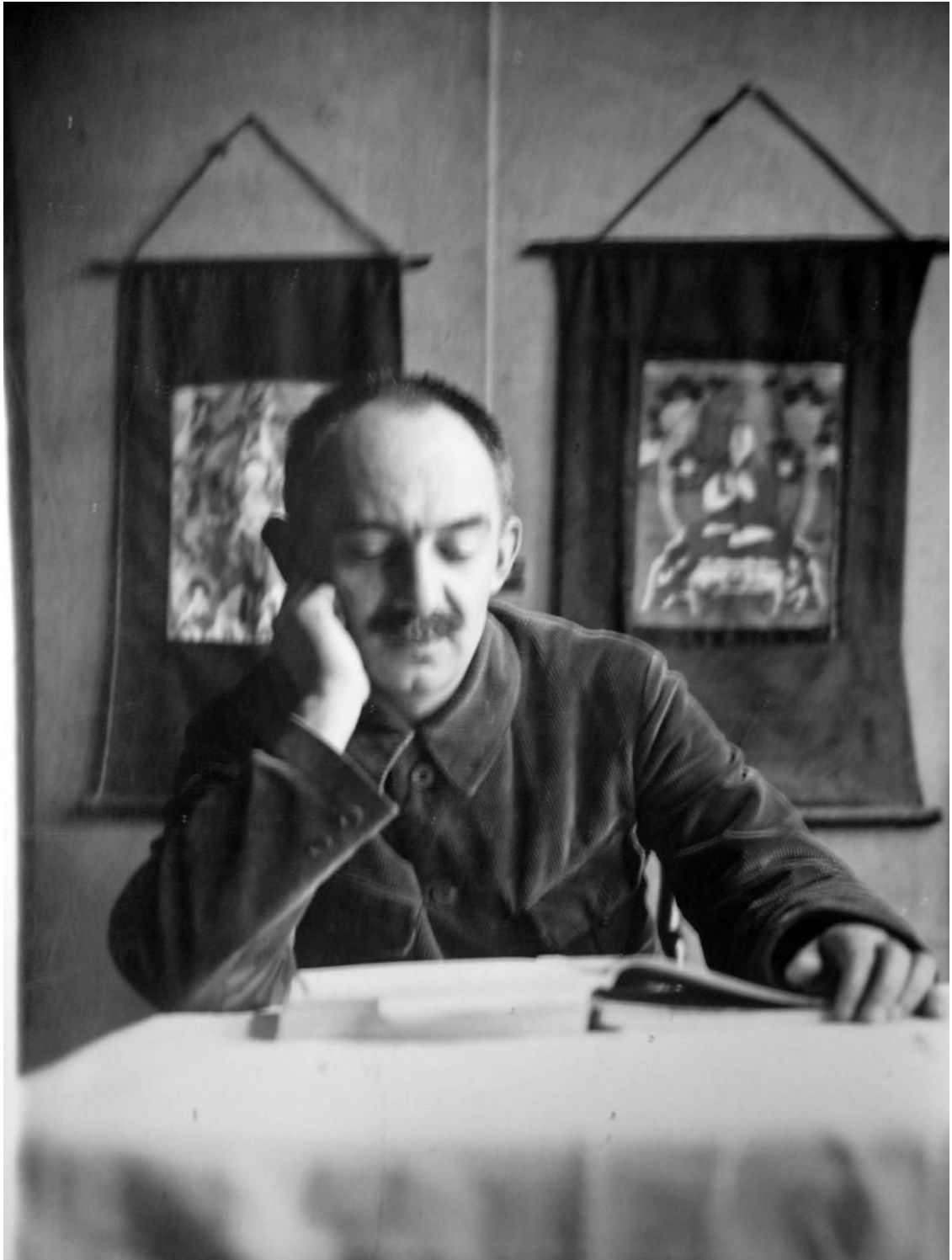
---

⁴ *Pascal P. Mon Journal de Russie (1916–1927). Lausanne, L'Âge d'homme, 1975–1982 (4 vol.).*

⁵ Цит. по: *Нива Ж. Возвращение в Европу. С. 118.*

⁶ Там же. С. 118–119.

⁷ *Нива Ж. Возвращение в Европу. С. 123.*

П. Паскаль. Москва. 1929 г. *Личный архив Micheline u Roch Pascal*

Именно здесь в его руки попадает издание Жития протопопа Аввакума⁸. О своем незабываемом впечатлении от личности автора, живых, ярких картин русской жизни и языка этого памятника Пьер Паскаль позднее напишет в предисловии к своей монографии.

Интерес к религиозным катаклизмам русского XVII века для человека, стремившегося понять Россию, ее историю и современность, вполне объясним, однако эта тема привлекла

---

⁸ Житие (протопопа Аввакума), им самим написанное. Пг., 1916.

Пьера Паскаля не только и не столько как предмет идеологической ретроспекции или конфессионального осмысления, но как объект научного исследования. Протопоп Аввакум вернул Паскаля на оставленное им ученое поприще. Получивший хорошее университетское образование, но отброшенный войной от начала традиционной преподавательской карьеры (русская кафедра, созданная для него в университете Лиона, пустовала)⁹, Паскаль со свойственной ему увлеченностью целиком отдался изучению захватившей его темы. Исследовательскую работу Паскаля отличал подлинный профессионализм: основательное штудирование литературы вопроса он соединил с работой в архивах, с выявлением и изучением документальных и повествовательных источников. Им были обследованы фонды современного Российского государственного архива древних актов, Отдела рукописей Государственного Исторического музея, ряд провинциальных хранилищ.

---

⁹ *Нива Ж.* Возвращение в Европу. С. 118.

3

А Н К Е Т А
ДЛЯ ЛИЦ, ПОДАЮЩИХ ЗАЯВЛЕНИЯ О РАЗРЕШЕНИИ ЗАНЯТИИ
НАД АРХИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ.

- Паскаль*
1. Фамилия, имя и отчество... *Паскаль Петр Карлович*
  2. Парт. принадлежность... *Безпартийный*
  3. Место службы и должность... *Инстит. Маркса и Энгельса научной сотрудник*
  4. Занимался-ли раньше в архиве, где, с какого и по какое время. *Здесь и занимался*
  5. Есть-ли научные труды.....
  6. Документ, на основании которого испрашивается разрешение.....
  7. Тема *Экономико-социальные положения Верх. Поволжья в XVII в.*
  8. По каким материалам. *по рукописным материалам*
  9. С какой целью производится работа. *Диссертация. Историческая в Ленинградском Университете*
  10. В каком издательстве предполагается выпуск работы на основании архивных материалов.....
  11. По заданию какого учреждения ведется работа.....
  12. Адрес занимающегося. *Ленинградский пер. Д. 16 кв. 25*

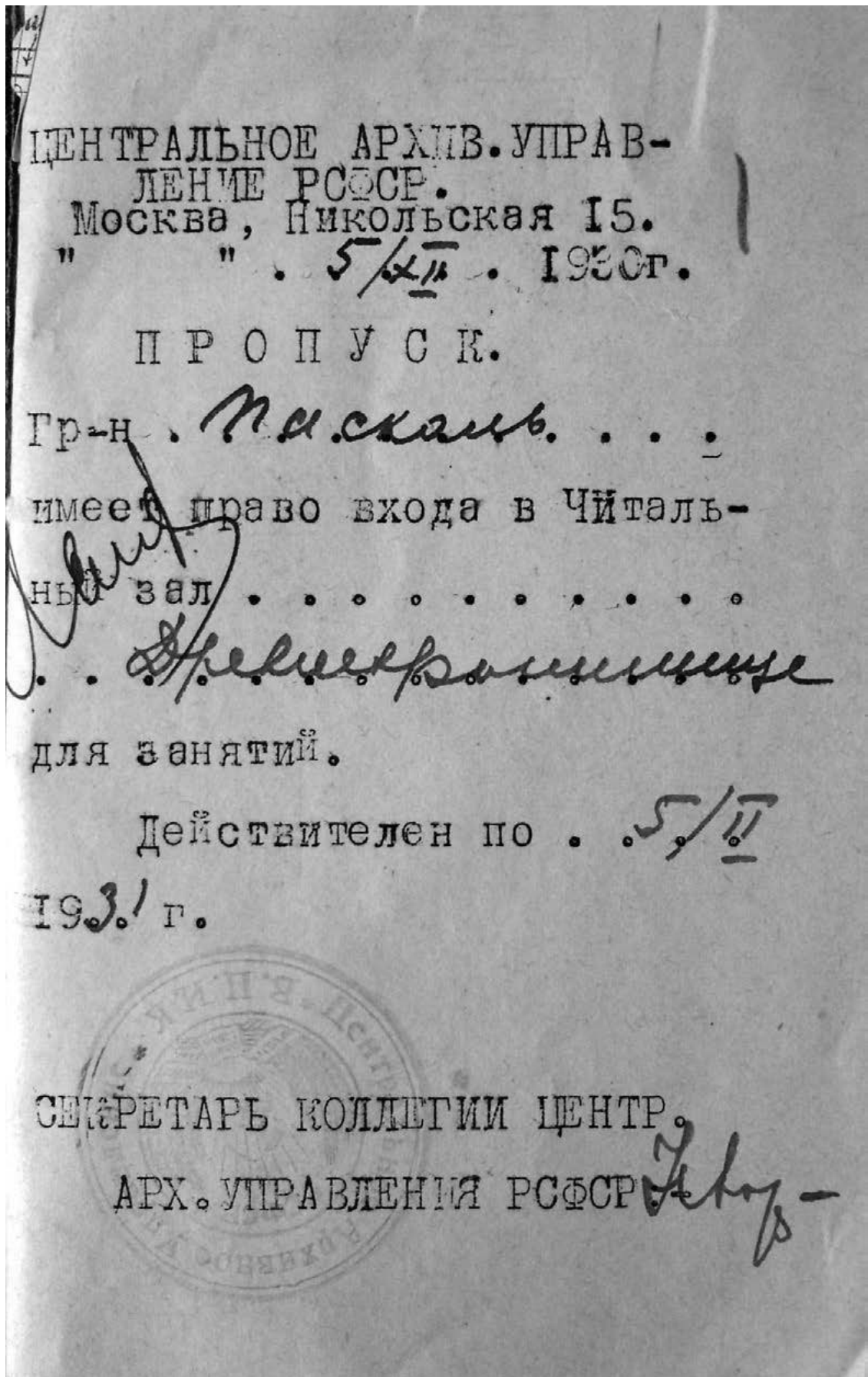
Подпись... *Паскаль*

"29" окт. 1930 г.

Анкета Центрального архивного управления РСФСР, заполненная П. Паскалем. Москва. 29 октября 1930 г. РГАДА

1931 г. 2
Заведующему Древлехранилищу
просьбу мне продлить срок разрешения
на занятия в Читальном зале Древлехранилища
30/1/31 Паскаль

Заявление П. Паскаля заведующему Древлехранилищем о продлении срока разрешения на занятия в читальном зале. Москва. 30 октября 1931 г. РГАДА

Пропуск П. Паскаля для посещения читального зала Древлехранилища.
Москва. 5 декабря 1930 г. РГАДА

Ф о р м а № 2

Л И С Т

записи выдачи занимающемуся материалами П. П.

Имя Паскаль тема

Дата выдачи	Фонд, наименование и № № архивных и библиотечных материалов / книг, дел и т.п.	расписка в получении	дата возвращения	примечание
1-26/IV	Сфид. Сибирск. приказа № 680	Паскаль	680-23/IV	
24-IV	Сф. Сибир. приказа № 634/19	Паскаль	634-28/IV	
28-IV	VII Госархив д № 68 - 17 л. XII " " д № 52 - 61 л.	Паскаль	19 VII 31 л.	
28-IV	Сф. Сибир. прика № 580, 496	Паскаль	496-31/IV 1580	
3-V	Сибирск. приказ сф № 604	Паскаль	604) 46/5	
6/V	Сиб. приказ. сфидея № 757 на 15 л.	Паскаль	757-9/V	
8/V	Ст. Сибирск. приказ. № 513.	Паскаль	ср 13/2	
18/V	Сф. Сибир. приказ. № 566	Паскаль	ср 14/2	
14/V	Сф. Сибир. приказ. № 6696/651, 690	Паскаль	ср 24/2	
21/V	Стало. Сибирск. приказа № 592 и 597	Паскаль	ср 28/1	
26/V	Ст. Сиб. приказ 663	Паскаль	ср 28/2	
28/V	Ст. Сиб. приказ № 503.	Паскаль	ср 29/2	

Лист записи выдачи П. Паскалю архивных материалов. Москва. 26 апреля – 19 июня 1931 г. РГАДА

В архиве РГАДА сохранилось начатое 7 декабря 1930 г. «Дело о занятиях Паскаля Петра Карловича в читальном зале Древлехранилища»¹⁰. Оно включает 6 документов 1930–1931 гг. 29 октября 1930 г. П. Паскаль собственноручно заполнил машинописную «Анкету для лиц,

¹⁰ РГАДА. Архив читального зала. Д. 412. 6 л.

подающих заявления о разрешении занятий над архивными материалами»¹¹. Здесь он указал: партийная принадлежность – беспартийный, место службы и должность – Институт Маркса и Энгельса, научный сотрудник; ранее в архиве не занимался, научных трудов нет, тема занятий – «Экономико-социальное положение Верхнего Поволжья в XVII в.», по материалам писцовых книг, цель работы – докторская диссертация в Парижском Университете, адрес – Леонтьевский пер., д. 16, кв. 25. В деле имеется пропуск¹², выданный Паскалю 5 декабря 1930 г. для входа в читальный зал сроком на два месяца (в дальнейшем ученому приходилось неоднократно писать заявления на продление срока)¹³. Кроме того, в дело подшиты два важных для нас документа – «Листы записи выдачи занимающемуся материалов» с перечнем шифров дел, расписками П. Паскаля в получении и пометами о возврате. Первый лист¹⁴ включает 27 записей с 7 декабря 1930 по 26 апреля 1931 г. о выдаче исследователю 40 дел из фондов Сибирского приказа, Поместного приказа (переписные и писцовые книги), Московского и Белгородского столов, «Портфелей Миллера», Приказа тайных дел. Второй лист¹⁵ вели с 26 апреля по 19 июня 1931 г.; в нем 20 записей о выдаче 27 дел в основном из архива Сибирского приказа, а также из Госархива и Приказных дел старых лет. По всей видимости, листы записи выдачи материалов сохранились в деле не полностью, поскольку, судя по одному из заявлений П. Паскаля, в архиве он работал по крайней мере до конца 1931 г. Таким образом, благодаря сохранившейся служебной документации мы можем убедиться, какой большой объем архивных материалов был выявлен и изучен П. Паскалем всего лишь за полгода работы.

Стремясь лучше постичь предмет своих научных штудий, Пьер Паскаль совершил несколько путешествий по местам, связанным с историей и деятелями старообрядчества, побывал в Переславле-Залесском, Ростове, Романове, Ярославле, Костроме, Юрьевце-Повольском и, конечно, Нижнем Новгороде. В Москве часто посещал Рогожское кладбище и даже близко познакомился с сыном священника.

В 1933 г. Паскалю с женой удалось выехать во Францию. Кроме воспоминаний о бурно прожитых в России годах он увез из Москвы большой научный архив и библиотеку. Через несколько лет Паскаль был допущен к государственной службе, в 1936 г. получил назначение в Лилль, в 1937 – в Школу восточных языков в Париже. В 1938 г. было опубликовано его исследование «Аввакум и начало раскола: Религиозный кризис XVII века в России», за которое автор был удостоен степени доктора славяноведения «с наивысшим отличием».

Свою любовь к России и русской культуре Пьер Паскаль пронес через всю жизнь. Во Франции он тесно общался с кругами русской эмиграции. Возобновил свое давнее близкое знакомство с Н. А. Бердяевым. В доме Паскалей в Нейи, пригороде Парижа, бывали А. М. Ремизов и Б. К. Зайцев. Ученого справедливо считают олицетворением французского «славянофильства» XX в.¹⁶

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ В деле сохранилось два таких заявления: от 30 апреля 1931 г. (л. 4) и от 30 октября 1931 г. (л. 2).

¹⁴ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁵ Там же. Л. 5–5 об.

¹⁶ Подробнее см.: Данилова О. С. 1) Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX в. // Россия и Франция: XVIII–XX века М., 2005. Вып. 6. С. 236–270; Она же. 2) Французское «славянофильство» в начале XX в.: школа славистики аббата Ф. Порталы // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2006. Вып. 7. С. 237–266.

П. Паскаль. Франция. 1950-е гг. *Личный архив Micheline и Roch Pascal*

П. Паскаль читает газету «Русская мысль» в своем кабинете в квартире Neuilly, 6 на rue du General Cordonnier. Париж. 1970-е гг. Личный архив Micheline и Roch Pascal

С 1950 г. до выхода на пенсию в 1960 г. Паскаль возглавлял в Сорбонне кафедру русского языка и литературы. Ему принадлежит заслуга создания во Франции целой школы славистов, точнее «русистов»; среди его многочисленных учеников были Н. П. Полторацкий, Жорж Нива, Никита Струве. Научные труды Пьера Паскаля общеизвестны и общепризнаны. Основная часть его работ посвящена истории религии в России и во Франции XVII века. Выдержал девять переизданий его краткий курс истории России (1946). Обширна переводческая деятельность: тонкий знаток двух языков, ученый перевел на французский Житие и Пятую челобитную протопопа Аввакума, «Девгениево деяние», древнерусскую версию «Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Хождение Богородицы по мукам», сочинения Достоевского, Толстого, Короленко, Ремизова.

Пьер Паскаль умер 1 июля 1983 г. В его лице, как отметил В. Водов, «французская славистика потеряла последнего знатока России в целом, ее языка, литературы, истории, быта в самом широком значении этого слова, на протяжении ее тысячелетнего существования»¹⁷.

* * *

Исследование о протопопе Аввакуме и русском расколе середины XVII в. – одно из лучших в научном наследии Пьера Паскаля. Первое издание книги вышло в 1938 г.¹⁸ Второе,

¹⁷ Водов В. Пьер Паскаль // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 434.

¹⁸ Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. Paris, 1938.

почти без изменений (добавлено новое предисловие, уточнены некоторые сноски и сделано несколько небольших добавлений), было осуществлено четверть века спустя, в 1963 г.¹⁹

Этот труд до сих пор сохранил свою научную ценность.

Единственным предшественником П. Паскаля как исследователя жизни и творчества протопопа Аввакума в целом (заметим, что и после Паскаля, несмотря на постоянный интерес к протопопу Аввакуму и его сочинениям, такого обобщающего труда не появилось) был А. К. Бороздин, в 1898 г. выпустивший книгу «Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в.»²⁰. Знаток истории старообрядчества П. С. Смирнов опубликовал весьма критическую рецензию на работу А. К. Бороздина. Он указал на недостаточно глубокое с источниковедческой точки зрения изучение письменных памятников, вышедших из-под пера протопопа, которые – «прежде всего примечательнейшие литературные памятники, а вместе с тем в них не только обрисована жизнь самого Аввакума, как деятеля на различных поприщах, но и с беспримерною полнотою, прямо как в зеркале, отразилась первоначальная жизнь раскола с ее главными и второстепенными внутренними вопросами»²¹. Из неполноты анализа источников вытекает, по мнению рецензента, и неполнота в изображении личности Аввакума и его деятельности: «Где здесь портрет этого протопопа-богатыря, где целостная характеристика этого замечательнейшего человека, владевшего несокрушимым здоровьем, железною волей и редкими душевными дарованиями? Читая автобиографию Аввакума и многочисленные его писания, все это видишь ясно, видишь именно целостный и живой образ»²². С точки зрения П. С. Смирнова, в книге А. К. Бороздина протопоп Аввакум недостаточно полно охарактеризован как пастырь и «расколоучитель», а такие его ипостаси, как проповедник, отец и глава семейства, совсем обойдены молчанием.

Книга П. Паскаля свободна от подобных недостатков. Важнейшую услугу оказал французскому ученому и всем последующим исследователям творчества Аввакума сам П. С. Смирнов, подготовивший академическое издание сочинений протопопа Аввакума²³. Кроме того, французский исследователь, несмотря на существовавшие тогда трудности, обратился к архивному материалу. Работая в фондах, ныне хранящихся в Отделе рукописей Государственного исторического музея и Российском государственном архиве древних актов, П. Паскаль разыскал важные документальные материалы, освещающие многие эпизоды биографии протопопа и сопутствующие им обстоятельства; обнаружил новые источники по истории раннего старообрядчества, для уточнения имен и воссоздания полной картины событий обратился даже к писцовым книгам.

П. Паскаль на основании сравнительного изучения максимально полного круга документальных и литературных источников написал самую полную биографию «мятежного протопопа», воссоздал все обстоятельства его нелегкой судьбы, выяснил обстоятельства написания многих произведений. Заметим, что, хотя за последние десятилетия разысканиями отечественных ученых был введен в научный оборот ряд новых документов и неизвестных ранее сочинений, проясняющих некоторые биографические подробности²⁴, однако принципиального обновления источниковой базы не произошло.

¹⁹ *Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol*. Paris, 1963 (Études sur l'Histoire, l'Économie et la Sociologie des pays Slaves. VIII).

²⁰ 2-е изд.: СПб., 1900.

²¹ ЖМНП. 1899. Январь. С. 249.

²² Там же. С. 251.

²³ Памятники истории старообрядчества XVII в. Т. 1. Вып. 1. Л., 1927 (РИБ. Т. 39).

²⁴ Библиографию последних лет см.: *Шаишов А. Т.* Аввакум Петров // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). СПб., 1992. Ч. 1. С. 23–30; Библиографические дополнения к статьям, помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3, части 1–3) / Сост. Д. М. Буланин // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). СПб., 1992. Ч. 4. С. 650–657.

Книга построена по хронологическому принципу: повествование следует за биографией протопопа, при этом автор не только последовательно восстанавливает внешнюю жизненную канву, но также уделяет пристальное внимание внутреннему миру своего главного героя. Начальные главы даже имеют названия: «Аввакум. Как создавался человек», «Аввакум-священник. Как создавался пастырь». Ярким примером может служить глава II, в которой на основе разбросанных в разных сочинениях обмолвок самого Аввакума, исследований и мемуарных источников, рисующих провинциальный быт, в том числе сельского духовенства, а также личных впечатлений от поездки по родным аввакумовским местам показано, как, вопреки всем трудностям и благодаря теплой вере, выкристаллизовывалась эта недюжинная натура. П. Паскаль, в частности, тонко подмечает, что евангельская фраза, высказанная Аввакумом в качестве совета ученикам: «Будьте кротки как голуби и мудры как змеи», могла иметь для него и очень личное содержание, связанное с конкретными жизненными обстоятельствами и воспоминаниями детства – его увлечением голубями и необходимостью обезопасить себя от обитавших в окрестностях Григорова змей.

Исследователем воссоздан образ целостной и многогранной личности протопопа Аввакума: его любовь к матери, к верной Марковне и детям, его пастырские труды и интерес к книжной премудрости, мужество и непоколебимая стойкость в борьбе против церковных нововведений, трогательное повинование духовному отцу иноку Елифанию и ревностная забота о своих духовных чадах, отношения с союзниками и догматические споры с ними.

Пьера Паскаля как ученого отличал широкий подход к истории²⁵, что особенно ярко и наглядно проявилось в его первом исследовании, в котором религиозный конфликт 1650-х гг. показан на фоне всей русской истории XVII в. Совершенно справедливо и обоснованно Паскаль видит истоки церковного раскола в событиях Смутного времени: «моральная и материальная катастрофа, пережитая страной, вызвала потребность в реформах». На преодоление последствий Смуты в материальной и духовной жизни России были направлены усилия церковных и светских властей. И здесь, по мнению П. Паскаля, проявились два разных понимания христианства, различно представляющих соотношение жизни мирской и небесной: согласно одной точке зрения, все земное должно быть подчинено делу спасения, другая же позиция старалась примирить небо и землю. Эти две тенденции, ненадолго объединившиеся в деятельности боголюбцев, затем переросли в открытый конфликт. Французский ученый отрицает широко бытовавшие в литературе XIX в. тенденциозные мнения об «обрядоверии» старообрядцев, их «косности» и «невежестве»; показывает, что первые староверческие учителя были столь же образованны, как и их оппоненты.

Книгу П. Паскаля отличает научная добросовестность и объективность. Питая искреннее сочувствие к преследуемым старообрядцам, восхищаясь стойкостью и героизмом протопопа Аввакума, он отмечает и его неуступчивость, которая придала церковному конфликту особую остроту. Работа французского ученого дает пример глубоко продуманного и строго научного освещения самых трагических событий в истории Русской православной церкви, она лишена того полемического подтекста, который иногда скрыто, а иногда слишком явно просматривается в современных научных исследованиях данной проблематики.

Чрезвычайно ценными в монографии являются также типологические сравнения религиозной жизни России и Франции в XVII в., показывающие общие истоки и общие принципы конфессиональных реформ. Пьер Паскаль замечает, что желание провести христианские принципы в широкие массы народа зачастую наталкивается на человеческую слабость и противодействие властей. Св. Франциск и Олье из Сен-Жермена были такой же жертвой своих прихожан, как протопопы Иван Неронов, Аввакум и Даниил. В деятельности западнорусских монахов – поборников «внешней» мудрости и образованности, определивших направление

---

²⁵ *Водов В.* Пьер Паскаль. С. 435.

развития русской церкви после реформ патриарха Никона, Паскаль усматривает параллель с деятельностью ряда католических объединений, стремившихся в союзе с миром достичь лучшего будущего (иезуиты, Викентий Поль, Содружество сестер Царицы Небесной). Некоторые черты сходства отмечает ученый между старообрядцами и янсенистами. Эти сравнения, отражающие широкую эрудицию автора и его глубокие знания по истории религии, позволяют представить религиозную драму России не в узких национальных рамках, а на фоне религиозных исканий других направлений христианства. Книга Пьера Паскаля давно и по праву входит в золотой фонд зарубежной славистики, издание ее перевода на русский язык не только сделает это фундаментальное исследование широко доступным для отечественных научных и общественных кругов, но также явится данью памяти ученому, так горячо любившему Россию.

* * *

Большой интерес представляют обстоятельства появления перевода книги П. Паскаля на русский язык. Он был выполнен по изданию 1938 г. известным переводчиком с английского и французского языков Сергеем Сергеевичем Толстым (24.08.1897, Великобритания – 18.09.1974, Москва). В Государственном музее Л. Н. Толстого хранится черновик перевода ряда глав²⁶. Полная авторизованная машинопись перевода, составляющая два объемных переплетенных тома (986 листов), находится в книжном собрании Покровского старообрядческого кафедрального храма, что на Рогожском кладбище в Москве (ныне: книгохранилище при Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви)²⁷. Перевод не датирован, но ряд косвенных соображений заставляет отнести его к концу 1950-х гг. По всей видимости, этот громадный переводческий труд был выполнен не по заказу издательства (об этом свидетельствует и то, что сохранившаяся машинопись не несет на себе никаких следов необходимой редакции и подготовки к печати), а, скорее всего, по просьбе рогожских старообрядцев.

---

²⁶ Государственный музей Л. Н. Толстого. Ф. 56, кп 23 113/5 инв. 98 (кор. 3 папка 5). 387 л. (Предисловие, главы 1, 2, 3, 14, 15).

²⁷ Об этом собрании см.: Юхименко Е. М. 1) Старообрядческий центр за Рогожской заставой. М., 2005. С. 96–101; 2) Рукописные и старопечатные книги // Древности и духовные святыни старообрядчества: Иконы, книги, облачения, предметы церковного убранства Архиерейской ризницы и Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. М., 2005. С. 212–217; Волков В. В. Книгохранилище Митрополии РПСЦ и старообрядческие книжники XX в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2010. Вып. 4. С. 450–467.

С. С. Толстой. 1967 г. Государственный музей Л. Н. Толстого

К сожалению, нам не удалось выявить документальных материалов об обстоятельствах появления данного перевода, однако некоторые факты биографии С. С. Толстого представляются в этой связи крайне важными.

Внук Льва Толстого и сын его старшего сына Сергея Львовича вторым браком (с 1927 по 1957 г.)²⁸ был женат на дочери близкого друга Л. Н. Толстого, женатого на его внучатой пле-

---

²⁸ Первый брак, с 1918 г., очень непродолжительный, – с Марией Александровной Кражановской, третий, с 1966 г., – с Раисой Васильевной Чучковой.

мяннице Л. Н. Оболенской, автора воспоминаний «Двенадцать лет около Толстого» Хрисанфа Николаевича Абрикосова (1877–1957) – Вере Хрисанфовне (1906–1957). Она происходила из многочисленной семьи известных московских предпринимателей в области кондитерского производства Абрикосовых. К этой же семье принадлежал и ответственный секретарь и управляющий делами старообрядческой архиепископии Московской и всея Руси Кирилл Александрович Абрикосов. Родоначальник этой династии московский 1-й гильдии купец Алексей Иванович Абрикосов (1824–1904) имел 17 детей. Старший сын Николай был женат на Вере Николаевне Кандинской, их сын Хрисанф Николаевич был отцом Веры Хрисанфовны, в замужестве Толстой. Кирилл Александрович Абрикосов – внук А. И. Абрикосова, его отцом был младший сын основателя династии – Александр, женатый на Глафире Петровне Смирновой. Таким образом, В. Х. Толстая приходилась К. А. Абрикосову племянницей и в то же время была его ровесницей²⁹.

К. А. Абрикосов (2.03.1894–9.09.1972) не скрывал своей принадлежности к известному купеческому роду. Г. А. Мариничева, с 1944 г. работавшая в архиепископии машинисткой и секретарем, вспоминала о своем первом знакомстве с К. А. Абрикосовым: «Кирилл Александрович очень словоохотливо рассказал мне о себе, что он происходит из семьи известных фабрикантов-кондитеров Абрикосовых, что его ближайшие родственники стали крупными знаменитостями: один – известный артист, другой – известный врач-патологоанатом, третий – талантливейший конструктор и т. д. О себе он сообщил, что по образованию он юрист и присоединиться к старообрядчеству его побудила книга И. А. Кириллова „Правда старой веры“, что теперь он трудится на посту ответственного секретаря Архиепископии и старается помочь наладить ее деятельность»³⁰.

В этой беседе К. А. Абрикосов упомянул артиста Вахтанговского театра Андрея Львовича Абрикосова, врача, подписывавшего акт вскрытия тела В. И. Ленина, Алексея Ивановича Абрикосова и единственного в этом талантливом семействе конструктора – создателя теории воздушно-реактивного двигателя Бориса Сергеевича Стечкина (1891–1969), который был мужем двоюродной сестры В. Х. Толстой Ирины Николаевны Стечкиной, урожденной Шиловой, 1898–1958 (ее матерью была родная сестра Хрисанфа Николаевича Абрикосова Вера Николаевна, вышедшая замуж за Николая Александровича Шилова (1872–1930), ставшего основателем физической химии в России). То, что ответственный секретарь старообрядческой архиепископии назвал в числе своих ближайших родственников Б. С. Стечкина, после войны получившего всеобщую известность (в 1946 г. удостоен Сталинской, в 1957 г. Ленинской государственных премий), свидетельствует об общении этих двух ветвей Абрикосовского

²⁹ Благодарю Н. Н. и Д. А. Птицыных за консультации по родословию Абрикосовых.

³⁰ *Мариничева (Оленева) Г.* История Рогожского поселка – центра старообрядчества (Воспоминания). М., 2004. С. 51. В архиве Митрополии РПСЦ хранится копия автобиографии К. А. Абрикосова, написанной в 1948 г. В этом документе автор сообщал о себе: он родился 24 марта 1894 г. в Москве; его отец был одним из совладельцев крупной кондитерской фабрики; после революции, с 1926 по 1937 г., он преподавал иностранный язык в школе-десятилетке и в техникуме. Сам К. А. Абрикосов окончил Московскую Практическую академию в 1912 г. Свободно владел французским и немецким. В 1912 г. женился на Татьяне Петровне Смирновой – дочери известного водочного фабриканта П. П. Смирнова. В 1915 г. окончил артиллерийское училище в Одессе. Получил чин поручика. В 1918 г. добровольно вступил в Рабоче-Крестьянскую Красную армию (РККА), в которой прослужил до 1922 г., занимая командные должности. В 1926 г. в годы НЭПа его жена уехала с их сыном Георгием за границу и не вернулась в СССР. В том же 1926 г. К. А. Абрикосов женился на родной сестре своей жены, Ольге Петровне Смирновой, от второго брака детей у них не было. С 1922 по 1928 г. работал юристом в частной фирме, с 1929 по 1940 г. – преподавателем математики и немецкого языка. С 1934 г. был директором школы рабочего образования (для взрослых). В 1940 г. работал в иностранном отделе Исторической библиотеки (ныне ГПИБ). По всей видимости, около 1940 г. перешел в старообрядчество. С 1941 г. работал ответственным секретарем и управляющим делами Архиепископии Московской и всея Руси. (Благодарю В. В. Боченкова, сообщившего мне данные сведения.) Некоторые сведения о трудной жизни во Франции первой жены К. А. Абрикосова Татьяны Петровны и уехавшего вместе с нею ее сына от первого брака Бориса см.: *Смирнова К. В., Фомина Т. Б., Чибисова Е. В.* Особняк П. П. Смирнова на Тверском бульваре в Москве // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 2008. Вып. 13–14 [29–30]. С. 523–525. Здесь же, на с. 527, опубликована фотография Г. К. Абрикосова, сделанная в Париже в 1937 г.

рода и, следовательно, позволяет предположить, что именно он мог воспользоваться своими семейными связями и найти квалифицированного переводчика для такой чрезвычайно сложной – по теме и по языку – работы, как перевод книги П. Паскаля.

Священник Покровского кафедрального собора Сергей Тимофеевич Кленов, настоятель собора о. Василий Филиппович Королев и ответственный секретарь Архиепископии Кирилл Александрович Абрикосов (слева направо). 1950-е гг. Книгохранилище Митрополии РПСЦ

Думается, подобное начинание можно рассматривать в русле того подъема и заметного оживления церковной жизни, которые царили в Рогожском поселке в первые послевоенные

годы, причем, по свидетельству той же мемуаристки, открывшиеся в связи с благосклонным вниманием властей возможности особенно вдохновляли ответственного секретаря Архиепископии. Г. А. Мариничева вспоминала о той их первой встрече: «Далее он рассказал о широких планах Архиепископии. Правительство разрешило издание старообрядческого календаря; далее будут издаваться журналы, или ежемесячные, или ежегодник; в скором времени будут открыты пастырские курсы; скоро старообрядцам вернут единоверческий храм (...); поставлен вопрос о ликвидации прядильной фабрики, соседство с которой опасно для Покровского храма в пожарном отношении, и т. д., и т. п. Я верила и не верила. И хорошо, что не полностью верила: слишком тяжело было бы разочаровываться. Из всех этих планов впоследствии осуществилось только два: издание старообрядческих календарей (причем с перерывом с 1950 по 1955 год) и снос в 1945 году с территории храма прядильной фабрики»³¹. В 1956 г. вышел в свет редчайший для своего времени альбом церковной тематики: «Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве», в редколлекцию которого помимо протоиерея В. Ф. Королева и знатока иконописи М. И. Тюлина входил и К. А. Абрикосов. Вне зависимости от того, задумывалось ли издание перевода книги Паскаля и этот проект остался неосуществленным, или перевод был сделан для «внутренних нужд» рогожского старообрядчества, обратиться с просьбой о выполнении такой большой и трудной работы, имевшей весьма туманные перспективы опубликования, можно было только к близкому родственнику или хорошему знакомому.

Возможно, С. С. Толстого и самого в силу личных обстоятельств интересовала книга П. Паскаля. Влияние великого деда сказалось не только в приверженности Сергея Сергеевича к педагогике (он стал кандидатом педагогических наук (1946), доцентом МГИМО), но и в его религиозно-философских исканиях. В небольшом архиве С. С. Толстого в Государственном музее Л. Н. Толстого сохранились его сочинения религиозно-философского характера (в том числе «О логосе»), материалы к ним, включая сделанные им конспекты и выписки из книг разных авторов. Подтверждаемая Н. П. Пузиным дружба С. С. Толстого с владельцем издательства (до 1917 г.), переводчиком, по матери внуком А. И. Абрикосова Георгием Адольфовичем Леманом³² (1887–1968) вводила его в круг религиозных мыслителей 1960-х гг., а через друга Г. А. Лемана поэта А. А. Солодовникова, возможно, и в религиозно-философский кружок, сложившийся вокруг Н. Е. Пестова³³.

³¹ *Мариничева (Оленева) Г.* История Рогожского поселка... С. 51.

³² Его матерью была Агриппина Алексеевна Абрикосова, вышедшая замуж за Адольфа Адольфовича Лемана (1854–1914), химика-технолога, служившего на кондитерской фабрике Абрикосова.

³³ В этот кружок входили также Г. П. Георгиевский, Н. П. Понятовский, Н. А. Варенцов, В. В. Чердынцев, Д. Е. Мелихов, М. К. Баранаев. Подробнее см.: *Любартович В. А.* Друзья-сомолитвенники (московский кружок ревнителей православного благочестия и духовного просвещения 1960–1980 гг. Н. Е. Пестова) // *Исторический вестник.* Москва – Воронеж, 2001. № 4 (15). С. 19–25. Заметим, что мать А. А. Солодовникова, Ольга Романовна Мальмберг, также происходила из рода Абрикосовых.

Предисловие

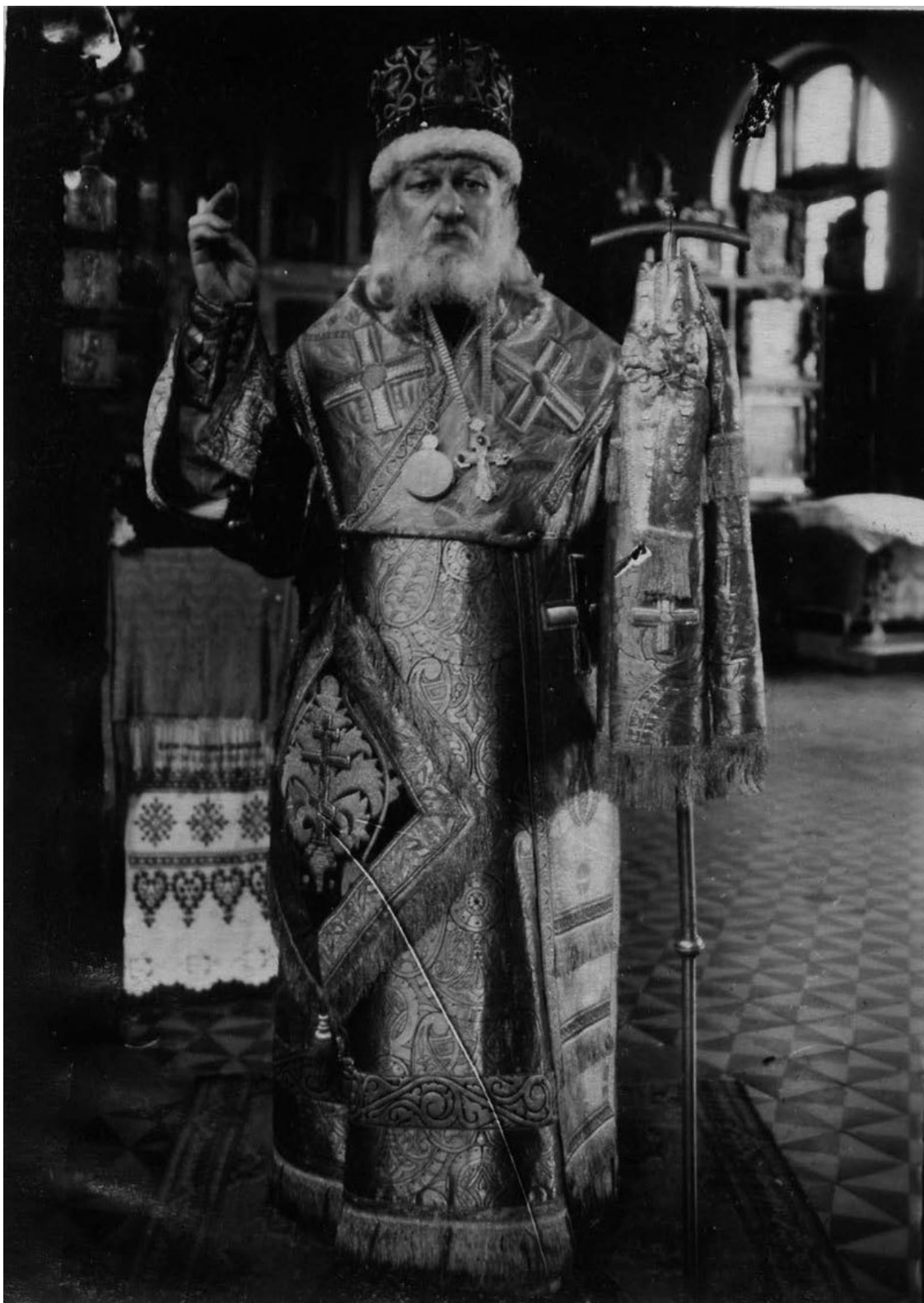
Дело было в Москве около
1928 г. Я в то время функционировал
научного работника в Институте
воздуха которого, ^{дай мне} с моей точки зрения,
~~имелу с моей точки зрения~~
объективное значение: во-первых, там
имелась богатая библиотека, и во-вторых,
там в то время Института стоял
человек с широкими взглядами.
После того как я на протяжении
двух или трех часов занимался
приведением в порядок документов
связанных с Бабедем¹) я ^{спустился} спустился
в подвал и там стал изучать историко-
литературные материалы, имеющие, по
моему мнению, гораздо большее

---

¹ Бабеде — французский социолог.

Черновая рукопись перевода книги П. Паскаля «Протопоп Аввакум и начало раскола». Автограф С. С. Толстого. Государственный музей Л. Н. Толстого

Вполне возможно, что именно этими духовными исканиями объясняется интерес С. С. Толстого к старообрядчеству.

Архиепископ Московский и всея Руси Флавиан (1952–1960). Частное собрание Л. И. Вольфсона

В архиве митрополии В. В. Боченковым было обнаружено недатированное письмо С. С. Толстого старообрядческому архиепископу Флавиану (Слесареву) (1879–1960, архиепископ Московский и всея Руси с 12 марта 1952), из текста которого можно заключить, что его автор присоединился к старообрядческой церкви. Он испрашивает «архипастырского благо-

словения и молитв» и упоминает о своем *деде*, Л. Н. Толстом, «много сделавшем для нашей старообрядческой церкви»³⁴. Вполне может быть, что, как на К. А. Абрикосова оказала сильнейшее влияние книга И. А. Кириллова «Правда старой веры», так и на С. С. Толстого чтение и перевод книги П. Паскаля «Протопоп Аввакум и начало раскола».

Документальная находка подтверждает устное сообщение Н. П. Пузина о том, что С. С. Толстой в декабре 1957 или январе 1958 г. присоединился к старообрядчеству (по сведениям того же источника, ранее он был посвящен в сан дьякона и причислен к церкви Покрова, что в Левшине)³⁵.

Примечательно, что полный экземпляр машинописи перевода первоначально находился в библиотеке известного своими глубокими книжными познаниями и библиофильством архиепископа Флавиана, после смерти которого в 1960 г. он поступил в книгохранилище Митрополии РПСЦ³⁶.

Таким образом, вне зависимости от того, что непосредственно инициировало обращение С. С. Толстого к книге П. Паскаля – просьба К. А. Абрикосова или появившееся после присоединения к старообрядчеству желание самого переводчика ознакомить с этим трудом более широкий круг читателей, – перевод следует датировать концом 1950-х гг.

* * *

Перевод С. С. Толстого, выполненный по первому изданию книги П. Паскаля, был положен в основу данного издания. Однако мы сочли необходимым внести в него – с оговорками – несколько добавлений содержательного характера, сделанных автором во втором издании книги: в частности, предисловие к новому изданию, два абзаца, добавленные к первому предисловию, заключительные абзацы второй главы и заключения (перевод выполнен В. В. Боченковым). Незначительные уточнения, сделанные П. Паскалем в ссылках на литературу и источники, внесены нами без оговорок.

Поскольку перевод книги П. Паскаля, взятый для настоящего издания, не готовился к печати, то оказалось необходимым провести большую работу по его научному редактированию. Прежде всего он был сверен с изданием, в ходе чего были устранены вкрапившиеся в машинопись опечатки, как технические (в ссылках на литературу), так и смысловые (например, «соседние голуби» вместо «соседские голуби»; «успокоился в небесных селениях» вместо «упокоился в небесных селениях»). По первоисточникам, в том числе рукописным, были выведены цитаты, многие из которых, за неимением у переводчика необходимых книг и недоступностью рукописей, оказались в обратном переводе с французского. Это касалось и обширных фрагментов текста, и отдельных фраз, являющихся яркими приметами образного языка старообрядческих авторов XVII в. К примеру, фраза из письма дьякона Федора «Несть царь, братие, но рожок антихристов» была переведена: «Нет, братия мои, это не царь, это рог антихристов»; знаменитая «баба поселянка», к которой протопоп Аввакум отсылал дьякона Федора, стала просто «крестьянкой». В послании сыну Максиму дьякон Федор писал о том, что плоть Иисуса Христа три дня лежала во гробе и не истлела без души: Бог «давал тлителя-тому, сиречь смерти-той, зубы вотневать, да оскомина на зубы пала, не могла згрысть»; в переводе оказалось: «Он позволил зубам смерти коснуться Себя, но зубы ее коснулись слишком зеленого плода, и она отступила».

³⁴ Боченков В. В. «Кто, кроме нас, старообрядцев, напишет суздальский патерик» // Сибирский старообрядец. 2008. № 2. С. 13–14.

³⁵ Государственный музей Л. Н. Толстого. Дело ф. 56.

³⁶ Тома машинописи имеют номера «Ф-122» и «Ф-123». О книжных интересах архиепископа Флавиана см.: Волков В. В. Книгохранилище Митрополии РПСЦ и старообрядческие книжники XX в. С. 458–462.

В некоторых местах следовало приблизить к оригиналу не только прямую цитату, но и изложение источника. К примеру, пришлось исправить фразу, описывающую реакцию боголюбцев на «Память» патриарха Никона 1653 г.: «Поэтому-то сердца леденели и колени дрожали»; в Житии протопопа Аввакума она звучала иначе: «сердце озябло и ноги задрожали». В Житии Феодора Ртищева о Спиридоне Потемкине говорилось: «Вся дни живота своего над книгами просидел», что было переведено: «Он просто чах, сидя целые дни над книгами». Аввакум проповедовал, по его же собственным словам, «по улицам и по стогнам градским» (переведено: «на улицах и в слободах»).

Таким образом, в результате этой обширной и трудоемкой сверки со страниц книги вновь зазвучали неповторимая, страстная речь протопопа Аввакума и подлинные слова его современников.

Пришлось исправить перевод слов, относящихся к специальной лексике и конкретным историческим реалиям, причем многое приходилось сверять также по первоисточникам, в том числе рукописным.

К первоначальному виду были приведены некоторые имена, которые в переводе С. С. Толстого вслед за Паскалем приняли западную огласовку: Антон – Антоний (Подольский), Денис – Дионисий (Зобниновский), Корней – Корнилий, Захар – Захарий, Бенедикт – Венедикт, Акундин – Акиндин, Гиацинт – Иоакимф.

Поскольку речь идет об издании научной монографии П. Паскаля, мы сочли необходимым в соответствии с источниками восстановить исходный вариант названий и понятий, которые были прекрасно известны автору – знатоку русской жизни XVII в. и лишь вследствие перевода на французский и обратного на русский оказались искаженными. Так, в переводе было: «Кружок (братство) друзей Божиих» – восстановлено: «кружок боголюбцев»; «подземная темница» – «земляная тюрьма», «сановник» – «боярин»: «писарь» – «подъячий»; «капиталист» – «купец»; «цепи» – «вериги»; (зимой носил) «баранью шкуру» – «бараний тулуп»; «потушить свет» – «погасить свечу»; «окупать ребенка в купель» – «погружать ребенка в купель»; «Уезд Кудьмы» и «стан потусторонней Кудьмы» – «Закудемский стан»; «бритые морды» – «брадобритцы»; «игрецы на зурне» – «рожечники»; «школьная псалтырь» – «учебная Псалтырь»; «отцы Ветхого завета» – «праотцы» (о рядах иконостаса); «форт» – «острог»; «зеленщик» – «огородник» (ростовец Федор Голицын); «похищение Павла Коломенского» – «извержение из сана»; «старшие монахи» – «соборные старцы»; «общая комната» – «горница»; «Ковровая слобода» – «Барашевская слобода»; «привратник» – «сторож» (Благовещенского собора Андрей Самойлов); «пекарь» – «калачник» (Дмитрий Киприанов): «говорить слова церковной службы» – «говорить келейное правило» (об исцелении Епифания после второй казни, по Житию Аввакума); секли «пятихвостым кнудом» – «в пять плетей» (Житие боярыни Морозовой).

Были приведены в соответствие с общепринятыми названия ряда произведений: «О просветительном огне» Антония Подольского (было: «О просвещающем огне»), «Об образах» (было: «О чести св. икон»); «На иконоборцы и на вся злая ереси» (было: «Против врагов святых икон и всяких зловерных ересей, появившихся в наше время»); «Беседы св. Иоанна Златоуста на послания св. апостола Павла и Деяния апостолов» (было: «Проповеди св. Иоанна Златоуста о посланиях св. апостола Павла и Деяниях апостолов»), «Перло многоценное» (было: «Жемчужина духовная»), «Поучение архиереям, священноинокам и мирским иереям и всему священному чину» (было: «Поучение епископам, инокам и священникам белого духовенства и всему духовному чину») патриарха Иосифа, Проскинитарий Арсения Суханова (было: «Путешествие»), «Прение Панагиота с Азимитом» (было: «Спор»), «Христианоопасный щит веры» старца Авраамия (было: «Щит веры против нападков еретиков»), «Книга на крестоборную ересь» протопопа Аввакума (было: «Книга об иконоборческой ереси»).

По мере необходимости в специальных примечаниях (через *) нами были сделаны отсылки к литературе последних десятилетий (даны с указанием *Прим. ред.*). Выверен и приведен в соответствие с современными требованиями список литературы и источников (сохранен авторский принцип отсылок); составлен новый указатель имен.

Искренне благодарю сотрудников Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви В. В. Боченкова и В. В. Волкова, сотрудников Российского государственного архива древних актов Е. Е. Лыкову и А. И. Гамаюнова, сотрудника Государственного музея Л. Н. Толстого Ю. Д. Ядовкер, оказавших помощь в ходе работы над этим изданием, а также Жака Катто и О. С. Данилову, благодаря которым удалось разыскать фотографии П. Паскаля и получить любезное разрешение на их публикацию у владелицы – Мишлен Паскаль, вдовы племянника П. Паскаля Рока Паскаля.

Е. М. Юхименко

Предисловие ко второму изданию³⁷

Предлагаемый труд – точное воспроизведение книги, изданной в 1938 году стараниями Центра изучения России «Истина» и Института славистики Парижского университета.

Он был подготовлен автором главным образом на основании сочинений протопопа Аввакума, увидевших свет в академической издании 1927 года, оригинальных сочинений, собранных Субботиным в «Материалах...», и Барсковым в «Памятниках первых лет старообрядчества», уже опубликованных документов или обнаруженных в архивах.

Иными словами, труд не переделывался, даже спустя двадцать пять лет. Он смог только обогатиться, благодаря работам, опубликованным после 1938 года, об Аввакуме или начале раскола, или новым текстам, оказавшимся в распоряжении автора.

Аввакум сегодня расценивается в СССР как классик, величайший писатель древнерусской литературы. Под этим определением он стал объектом многочисленных исследований в журнале, издающемся с 1932 года – «Труды отдела древнерусской литературы» Института русской литературы Академии наук, а также в некоторых других журналах. Затрагивая такие темы, как стиль и словоупотребление в «Житии», литературные принципы автобиографии в «Житии» протопопа Аввакума и Епифания, «Житие» как образец демократической литературы, древнерусская литература в творчестве Аввакума, творчество Аввакума и общественные движения конца XVII века, идея равенства у Аввакума, социальные условия первых раскольников, Аввакум и Епифаний, эти исследования не могли добавить что-либо новое к настоящему труду. Их стоило лишь упомянуть.

Второй том академического издания, который должен был содержать неполные или сомнительные тексты Аввакума, до сих пор не издан. Напротив, в Москве в июне 1960 года под редакцией Н. К. Гудзия издали книгу в 480 страниц, тиражом 30 000 экземпляров, озаглавленную «Житие протопопа Аввакума, написанное им самим, и другие его сочинения». Заслуга ее, в частности, в том, что в книгу вошло полдюжины текстов, до сей поры неизвестных.

Большая часть этих текстов была выявлена и подготовлена к печати сначала Вл. Малышевым, который с 1934 года посвятил себя поискам древних рукописей и в особенности – тех, где содержатся сведения об Аввакуме. Благодаря ему количество рукописей, в которых упоминается «Житие», выросло до сорока четырех; в сборнике конца XVIII или начала XIX века он выявил позднюю переработку «Жития», в которой в сокращении используются три подлинных списка, содержатся также сведения, предоставленные из других сочинений Аввакума, и которая содержит новые данные, происходящие, согласно Малышеву, из четвертого подлинного списка. Эта «рукопись Прянишникова» была издана в приложении к изданию Гудзия 1960 года, стр. 305–343.

Благодаря В. И. Малышеву в научный оборот была введена челобитная протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу, датируемая январем 1665 года, два письма, написанные в мае 1665 года – своей семье и Авраамию³⁸ (1951, 3, стр. 261–263), одно письмо к некоей Ксении Артемьевне Болотовой из Нижнего Новгорода, прежде неизвестное, и еще одно – царевне Ирине Михайловне, оба отправленные из Пустозерска, дату их трудно определить³⁹.

В дополнении учтены новые тексты, опубликованные в издании Гудзия 1960 года или других.

³⁷ Перевод В. В. Боченкова. – *Прим. ред.*

³⁸ Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета. Л., 1951. Вып. 3. С. 255–266.

³⁹ Малышев В. И. Три неизвестных письма протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 413–420.

Предисловие

I

Дело было в Москве около 1928 г. Я выполнял функции «научного работника» в институте, достоинства которого для меня имели двойное значение: во-первых, там имелась богатая библиотека и, во-вторых, во главе института стоял человек с широкими взглядами. После того, как я на протяжении двух или трех часов занимался приведением в порядок документов, связанных с Бабефом⁴⁰, я спускался в подвал и там стал изучать литературные богатства, имевшие, по моему мнению, гораздо большее значение, чем те литературные материалы, которые были открыты для общего пользования.

Однажды я натолкнулся на брошюру, опубликованную в 1916 г. Академией наук под заглавием: «Житие протопопа Аввакума, написанное им самим». Я начал читать эту книгу, и с самого начала она меня захватила. После почти интернационального языка современных журналов и книг я столкнулся с чистым и сочным русским языком, языком, на котором говорил весь русский народ до Петра Великого и на котором еще до сих пор говорят крестьяне. Вместо сухой социологии, которая заменяла живую историю человечества сухими схемами, передо мной живо вырисовывался московский XVII век. Каким он представлялся мне разнообразным, то удивительно далеким, то столь близким двадцатому веку! И передо мной вырисовывалась еще душа исключительного человека с глубоким чувством совести, несокрушимая вплоть до самой смерти. В нем, в этом гениальном человеке, обитала еще удивительная духовная свобода, питаемая глубокой верой в Провидение и постоянным погружением в сверхчувственный мир.

Мне захотелось перевести житие на французский язык. Это заставило меня начать выяснять ряд исторических, географических, богослужебных и других вопросов. Я просмотрел издания текста жития: один только Барсков в своих «Памятниках» взял на себя труд дать соответствующий комментарий в хронологической части, а также и в уточнении собственных имен («Памятники первых лет русского старообрядчества»). Затем я перешел к выяснению личности автора: я прочел два единственных посвященных ему издания: популярную брошюру В. Мякотина⁴¹ и ученый труд А. Бороздина⁴². Отсюда я очень скоро перешел к другим сочинениям, которые Академия наук только что объединила в один большой том⁴³. Но нужно было погрузиться в историю происхождения так называемого раскола. И тут я убедился, что полемических сочинений имеется бесчисленное множество.

Однако они не имели прочного научного обоснования. Объяснения расколу искали в разнообразных поспешных выводах, нередко игнорировавших его истинную сущность. Единственная современная, широко использующая источники «История русского раскола» П. С. Смирнова⁴⁴ охватывает, правда, целых два века, но оставляет в тени начало движения. Кроме того, эта книга по существу представляет собой лишь пособие для будущих миссионеров. Кроме того, имелось богато документированное исследование того же Смирнова «Внут-

---

⁴⁰ Бабеф – французский социалист. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Пг., 1916. – Прим. ред. Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. – Прим. ред.

⁴¹ *Мякотин В. А.* Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность: Биографический очерк. СПб., 1893. – *Прим. ред.*

⁴² *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1898. 2-е изд. СПб., 1900. – Прим. ред.

⁴³ Памятники истории старообрядства XVII в. Кн. 1. Вып. 1 // РИБ. Л., 1927. Т. 39. – *Прим. ред.*

⁴⁴ *Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядства. 2-е изд. СПб., 1895. – *Прим. ред.*

ренние вопросы в расколе в XVII веке»⁴⁵ и три солидных тома Каптерева: «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович»⁴⁶. Но первая книга касалась догматических расхождений и разделений внутри старообрядчества, а вторая, дав очерк «кружка ревнителей», в котором будущие старообрядцы и будущий патриарх одно время сотрудничали на благо церкви, внезапно обрывала повествование и переходила к другим темам. Обе книги представлялись мне предвзятыми и обнаруживали недостаточное знакомство с расколом.

Вслед за этим мне представилось, что настоящая история начала раскола остается до сего времени ненаписанной. Я углубился в источники. Девять томов «Материалов» Субботина⁴⁷ сразу выявили передо мной героические фигуры, измученные души, трогательные и волнующие сцены. Я прочел другие жития: инока Епифания, боярыни Морозовой и ее союзниц, симпатичного деятеля того времени Ртищева. Аввакум представился мне в окружении своей среды. Изю всех этих материалов, а также и из других полных или обрывочных материалов, нельзя ли было бы извлечь канву подлинной и полной истории?

Произошла революция, и стало возможным более полно подтвердить это документами⁴⁸. Статья Никольского о периоде ссылки протопопа в Тобольске⁴⁹ позволила мне увидеть, какие сокровища таятся в московском архиве, где наряду с другими, менее ценными материалами, собраны главные фонды трех прежних собраний: бывших царских Министерства юстиции и Министерства иностранных дел, а также и Государственного архива (Древлехранилища). На протяжении долгих месяцев я проводил всю вторую половину дня на Девичьем Поле, в маленьком зале, где до сих пор сохраняется тот стол, за которым Сергей Соловьев день за днем работал над своей монументальной «Историей России». В писцовых книгах, которые столь объемисты, что их надо рассматривать стоя, я разбирал одно за другим имена современников Аввакума, его духовных детей, а также имена князей, составителей разных книг, рассматривал иконы и богослужебные книги, полные описания тех мест, где он страдал и умер: Окладниковой слободы на Мезени и Пустозерска на Печоре. Затем, руководствуясь превосходным «Описанием документов и бумаг, хранящихся в Министерстве юстиции», я начал развешивать невероятные свитки рукописей длиной в несколько метров и шириной от 10 до 15 см. Это были склеенные отчеты воевод, приказные грамоты, путевые, допросы и ответы обвиняемых, прошения, указы о назначениях и смещениях; и тут я черпал бесчисленное множество фактов, бытовых подробностей и тысячи других полезных сведений. Для документов и рукописей Сибирского приказа существует замечательный аналитический каталог Оглобина, который, впрочем, не всегда раскрывает содержание папок, толщиной иной раз в 1000 листов. Не просматривая материалов, в значительной мере разрозненных Никольским, я рассмотрел около 30 других томов, и там мне посчастливилось найти отчеты Пашкова во время его экспедиции с Енисея на Амур, наряду со специальным отчетом, в котором он оправдывается за те страдания, которые он заставил пережить Аввакума. С помощью этих документов удалось в значительной мере уточнить и проверить даты жития Аввакума. В архивных фондах Архива Министерства иностранных дел я нашел и прочел переписку мезенского и пустозерского воевод, надеясь найти отчет о сожжении Аввакума и трех его соратников. Я его не нашел, но сколько мне удалось найти документов о юродивом во Христе Киприане, о соловецких узниках и еще других! Однако мне не удалось получить описания Государственного архива

⁴⁵ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. – Прим. ред.

⁴⁶ Каптерев П. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1–3. – Прим. ред.

⁴⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1874–1890. Т. 1–9. – Прим. ред.

⁴⁸ Предложение добавлено П. Паскалем во втором издании книги. – Прим. ред.

⁴⁹ Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Ученые записки Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1927. Т. 2. С. 137–167. – Прим. ред.

в силу того, как мне сказали, что материал этот слишком громоздок и весь является рукописным. Именно там хранятся документы Тайного приказа, лишь малая часть которых является к настоящему времени опубликованной. В частности, мне не удалось найти два письма царя Алексея к Аввакуму, которые в свое время видели Гиббенет⁵⁰ и Бартенев⁵¹; однако мне пришлось более или менее случайно натолкнуться на автографы «тишайшего» царя.

В одной из зал Исторического музея имеется малозаметная дверь; узкая и крутая лестница, на которую открывается эта дверь, ведет в Отдел рукописей. Там, в тишине, лишь редко нарушаемой иностранными учеными, покоятся 500 греческих рукописей, привезенных с Афона Арсением Сухановым, древние славянские рукописи, свитки и книги Патриаршего приказа, а также московские старопечатные издания XVI и XVII веков; к этим богатствам бывшей Синодальной библиотеки присоединены Хлудовское и Уваровское собрания.

В книге записей поставлений в духовный сан я нашел много знакомых имен; в других документах я увидел воспоминания епископа Александра, в которых он выражает свои сомнения по поводу новых книг, далее я прочел сборник проповедей Спиридона Потемкина, являвшегося самым ученым из старообрядцев; я списал «Ответ православных» – этот свод верований старообрядчества, составленный диаконом Федором, являвшимся ближайшим сподвижником Аввакума. Этот «Ответ» упоминается в Житии, но остается до сих пор неизданным. Даже в том небольшом числе свитков – около 1200 – которые составляют последние остатки Патриаршего архива, я заметил несколько текстов, мимо которых прошел Субботин, может быть, вследствие трудностей разбора рукописей; наконец, натолкнулся на одно показание старца Ефрема Потемкина. Это черновик, написанный каким-то пьяным писцом!

Я продолжал свои розыски в тех местах, в которых все они побывали: в московских церквях и монастырях, в северных монастырях, затерянных среди березовых лесов, в Сергиевом Посаде, в Переславле с его Даниловским монастырем, где Неронов скончал свои дни; я посетил Ростов, вольный город ремесленников, где Иона распорядился об аресте первых несогласных; и я предпринял путешествие по исторически знаменитой Верхней Волге, где на берегах виднеются то скромные деревушки, то ярко освещенные города, то высокие, столь любимые русскими высокие колокольни, то многоцветные купола. Я посетил город Романов, где пребывал поп Лазарь, таинственную Толгу, Ярославль и Кострому, где игумен и протопоп подверглись оскорблениям черни, дивный Юрьеvec, откуда Аввакум был изгнан; и, наконец, Нижний – тот город, где сходятся Север и Юг, Восток и Запад, город-крепость и город-ярмарку, где стлкивалось такое огромное количество интересов и идей.

Этот Нижегородский край, колыбель религиозного возрождения XVII века, я объездил вдоль и поперек. Я останавливался в Вельдеманове, где родился Никон, и я объехал вслед за юным Аввакумом ближайшие от его родного Григорового поселения: Княгинино и Лысково. Я видел Волгу, столь таинственную на заре, на поверхности которой застыли лодки рыбаков на стерлядь, и я снова видел ее всю сверкавшую в лучах заходящего солнца. Там, на другом берегу возвышался все еще величественный Макарьевский монастырь, а за ним без конца и края тянулись вдоль по Керженцу леса и болота. Я знал, что передо мной Фиваида старообрядчества. Охотно поехал бы я и на Ангару, где я стал бы искать следы деятельности жестокого Пашкова, и столь же охотно предпринял бы я и путешествие на Мезень и на Печору, где, может быть, натолкнулся бы на следы тайных вестников пустозерских отцов.

Увы! Эта работа была предпринята слишком поздно. Всего-навсего десять лет длился золотой век в истории старой веры. С 1906 по 1917 год можно было рыться в архивах, публиковать тексты, готовить издания; сами старообрядцы переиздавали книги, основали Институт, собирали свои древности. Сколько ценных материалов увидело свет в течение этих

⁵⁰ Гиббенет П. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882–1884. Т. 1–2. – Прим. ред.

⁵¹ Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенев. М., 1856. – Прим. ред.

десяти лет в «Чтениях Общества истории и древностей российских при Московском университете», «Летописях занятий Археографической комиссии», «Христианском чтении», «Русском архиве», «Древней и новой России», в многочисленных книгах и журналах, но главным образом, благодаря изданиям, которые стремились к истине, были объективными, оригинальными, отображая историю русской церкви семнадцатого века! Новая свобода способствовала появлению талантов. После Голубинского и Белокурова, П. Смирнова, С. Смирнова, Заозерского, Яковлева, Барскова, Дружинина, Бахрушина на русской сцене заявили о новом витке развития более молодые ученые. Ранее монастырские книгохранилища не собирали много исследователей, а появлявшиеся труды зачастую были искусственны или испорчены официальными предрассудками. Старообрядчество не изучали, а обличали. Старообрядческие алтари на Рогожском кладбище были опечатаны. После 1917 года прошлое России, за исключением технической, экономической или общественной его стороны, было вначале подвергнуто подозрению, затем, с 1927 года, запрету. В архивах я работал не по теме «Аввакум и раскол», но «Экономика Верхней Волги». Когда в библиотеке Московского университета я попросил том «Богословского вестника», мне ответили, что этот журнал выдается лишь для «антирелигиозной работы». Рукописи, интересовавшие меня, лежали в куче, прозябая, пылясь, в часовне Румянцевского музея; знаменитый «Пустозерский сборник», содержащий автографы узников, был недоступен, запертый в шкаф Дружинина, но под печатью Академии наук; публикация «Памятников истории старообрядчества» после первого тома, появившегося в 1927 году, была прикрыта. Далекий от того, чтобы наслаждаться содействием, которое бы намного облегчило работу, я мог рассчитывать только на собственные силы. В архивах же, кроме заведующего читальным залом, я не видел других служащих. Нужные книги вынужден был искать в частных собраниях или у букинистов, которые были счастливы избавиться от них⁵².

---

⁵² Этот абзац добавлен П. Паскалем во втором издании книги. – *Прим. ред.*

II

Та самая проблема, от которой историк в начале своего исследования должен отстраниться, по окончании пройденного пути становится, однако, вполне законной: что же такое раскол?

Объясняется ли он невежеством, рутинерством, тупым традиционализмом Аввакума и его сторонников, как это с самого начала утверждали апологеты официальной церкви, подобно Славинецкому, Димитрию Ростовскому и другим? Никоим образом, ибо Аввакум и его друзья не уступали ни в какой степени Никону и его сторонникам; они принципиально не возражали против исправления книг и улучшения обрядов; они были несколько не более фанатичны в смысле удержания греко-русской традиции, чем Никон в смысле насаждения новогреческой практики.

Объясняется ли раскол личными ненавистями и распрями, как это утверждал, вместе с другими, епископ Макарий в своей «Истории раскола»⁵³? Но чувство ненависти, охватившее с самого начала столь многих, не могло быть личным и безусловно должно было иметь общие причины.

Объясняется ли раскол пороком, вообще присущим русскому народу, преувеличенным обрядоверием, как полагали более объективные историки, типа Каптерева?

В какой-то мере конфликт действительно разразился в связи с формой крестного знамения и числом поклонов, и он безусловно затянулся в связи с другими обрядовыми новшествами: смешение понятия догмата и обряда в обоих лагерях прямо бросается в глаза. Но уже в предшествующие века, не вызывая подобных последствий, шли споры об аллилуие, о крестном знамении, о движении крестных ходов посолонь или иначе, равно как и о богослужебных текстах и книгах. И когда в XIX веке русские власти пошли на единоверие, раскол продолжался. Очевидно, стало быть, что русский народ за спорами об обрядах чувствовал что-то глубоко подлинное.

Учитывая всю недостаточность этих объяснений, далекие от религии авторы к середине XIX века стали выдвигать другое объяснение: раскол, по их мнению, являлся не чем иным, как протестом местных общин против центрального государственного аппарата, стремившегося подчинить себе окраины; раскол – это также бунт демократии против рабства; таким образом, это прежде всего явление социального порядка. Такого мнения придерживались Щапов, Аристов и Абрамов. Верно, в волнениях 1682 г., а затем и в оппозиции Петру Великому раскол действительно сыграл свою роль, проявляясь, впрочем, в силу чисто религиозных мотивов. Однако в начале раскола тщетно было бы искать для его зарождения других причин, кроме чисто религиозных. В восстании Степана Разина раскол не играет никакой роли. Враги самодержавия, Герцен и Огарев, на короткое время усмотрели в расколе союзную им силу, но вскоре же они в нем обманулись. Старообрядцы противопоставляли притязаниям власти свободу личности: это обитало в недрах человеческой души, которая противопоставляла Молоху – государству свое непреклонное извечное *non possumus* – «не можем». Старообрядцы хотели воздавать Богу Божие, а отнюдь не вмешиваться в экономические, социальные или политические конфликты своего времени.

Поскольку все эти объяснения сущности раскола оказались несостоятельными, пришлось приписать расколу чисто религиозные причины. В 1898 г. П. Смирнов так это и признает. «Протест возник на чисто религиозной почве без всякой примеси каких бы то ни было элементов, чуждых области веры»⁵⁴. Но он придает чрезмерное значение эсхатологическому моменту.

---

⁵³ Макарий (Булгаков), еп. Введенский. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855.

⁵⁴ Смирнов. Внутренние вопросы. С. СХХVI.

Безусловно, старообрядцы в связи с падением церкви были склонны ждать скорого пришествия антихриста; но в этом они несколько не отличались от своих современников. Следовательно, не здесь приходится искать религиозных причин раскола.

Для того, чтобы разгадать эту причину, надо подняться выше. Отчасти в изучении кружка боголюбцев ее понял Каптерев. Но он не увидел, что усматривает лишь этап движения, начавшегося значительно раньше. Он не обратился достаточно близко к кружку ревнителей благочестия, чтобы усмотреть их связи с ревнителями Печатного двора. Он не подумал о том, что самая биография некоторых из них возводит нас к тем годам, которые непосредственно следуют за Смутным временем.

В самом деле, искать причины глубокого разрыва, произошедшего в русском обществе, следует в самом Смутном времени. Моральная и материальная катастрофа, пережитая всей страной, вызвала потребность в реформах. Но потребности различны. С одной стороны, появляется желание видеть внешний порядок как в церкви, так и в государстве, что связано с регламентацией и исправлением книг и обрядов, желание отделить сакральное от мирского; с другой стороны, возникает потребность внутреннего совершенствования, как нравственного, так и религиозного. Отсюда возникает первая тенденция: стремление к знанию, к изучению чужеземных обычаев, стремление к власти. С другой стороны, рождается и вторая тенденция: более народная, самобытная, более специфически русская и даже провинциальная. Эти тенденции могут сосуществовать; они должны взаимно восполнять друг друга; лишь немногие исторические деятели принадлежат исключительно к одной из группировок. На короткое время в «кружке ревнителей» под руководством такого исключительного деятеля, как Стефан Вонифатьев, обе тенденции объединяются. Тем не менее двойственная тенденция продолжается.

Скрытый до поры до времени конфликт наконец проявляется в 1653 году. Этому способствует ряд факторов: и появление подозрительных греков; и выступление на сцену гордых своей чужеземной наукой малороссов; и властный и жестокий характер Никона; и неуступчивость его противников; и колебания царя; и некоторое смешение обрядов с тем, что под ними скрывается.

После того как две тенденции столкнулись, обе они, утверждая себя, в то же время дошли до преувеличения: это были два разных понимания христианства. С одной стороны утверждалось, что нынешняя жизнь ничто по сравнению с жизнью вечной; что Бог требует как от человека, так и от общества всего и что, следовательно, все должно быть подчинено делу спасения. С другой стороны господствовало желание примирить небо и землю; да, Богу принадлежит церковь, но нам принадлежат радости земного мира: наука для удовлетворения духовных запросов; «комедийное действие» для удовлетворения похоти очес; политика для желания властвовать. Одни столь же равнодушны к благам мира сего, как другие безразличны к райским радостям. Здесь трезвящиеся и аскеты; там люди чувственные и свободомыслящие. В XVII веке рядовой москвич перестает заниматься спасением своей души и только стремится развлекаться. Старообрядцы чувствуют, что они защищают Крест Христов против тех, кто «опустошает» его; защищают истинную религию от тех, кто хочет свести ее к минимуму. Двуперстие и вопрос о поклонах являлись лишь внешними предложениями для разрыва; двуперстие было лишь символом истинной религии. Конфликт становится неизбежным. Существуют две церкви. Естественно, что царь становится на сторону более уступчивой, архиереи повинуются ему; в 1666 году собор утверждает раскол.

Вслед за этим начинают быстро развиваться опасные тенденции, свойственные каждой партии; с одной стороны, политика начинает доминировать над религией; с другой стороны – наблюдается отрицание авторитета. Тут мы видим обмирщение самой церкви и оскудение веры; там – отказ от признания видимой церкви, ожидание антихриста, отчаяние и самосожжения. Еще до окончания XVII века процесс заканчивается: с одной стороны – государствен-

ная Церковь – одно лишь тело, от которого уже отлетает душа; с другой стороны – верующие без Церкви, находящиеся в стеснениях и разделениях.

Тут выявляются многочисленные деятели и религиозные фигуры. Фон – это огромный русский народ со всеми своими внутренними побуждениями и реакциями. В общем, он жаждет новых и лучших веяний, но отвечает протестами на невозможные требования чрезмерных ревнителей, одновременно склоняясь скорее в сторону своих братьев, страдалцев за Евангелие, чем в сторону политиканов-преследователей. На этом фоне выступают: Наседка, смелый печатник, Иоаким, воинственный патриарх, сомневающийся епископ Александр, Епифаний, благочестивый монах, Морозова и Урусова, Авраамий, Феоктист и десятки других. На самом переднем плане – царь Алексей и его духовник, Неронов и Федор. Впереди же всех Аввакум и Никон.

В развертывающейся религиозной драме Никон играет решающую, но кратковременную роль. В 1658 г. он удаляется. Начиная с 1666 г. он влачит жалкое существование в ссылке. Религиозная драма занимает в его жизни лишь малое место. Никон ведь разделял с царем управление страной и решал вместе с ним и гражданские, и военные, и дипломатические вопросы. Можно написать его биографию, не уделяя проведенной им церковной реформе более главы. Об Аввакуме, если не говорить о церковной реформе, просто нечего было бы писать.

Аввакум не пережил Смутного времени, но он является наследником его стремлений. Еще пока он живет в приходе, сердце его бьется в унисон с московскими ревнителями; тут он становится их доверенным, потом, в столице, в ожидании обрушивающегося на него первого удара он делается их сотрудником. Его характер к этому времени уже оформился, но лишь по возвращении из Сибири, когда уже полностью обозначился разрыв между поклонниками новшества и старой верой, он выступает как вполне зрелый организатор борьбы за старую веру. Как его достоинства, так и сама историческая необходимость выдвигает его в первые ряды: он становится публицистом, критиком, духовным учителем, наконец, главой Церкви. Его твердость в преследованиях скоро выдвигает его в положение учителя церкви, пророка, мученика. Он исчезает с исторического горизонта и уже фактически не может поддержать единства веры, но светлый облик его до наших дней парит как над поповцами, так и над беспоповцами.

Подобного рода понимание заставило меня расширить рамки работы. Мог ли я написать книгу «Аввакум, его жизнь и труды»? Это была бы монография, где Аввакум, как человек и писатель, оказался бы выхваченным из среды. Пришлось бы работать над его языком и стилем почти столько же, сколько и над его участием в религиозном движении того времени. Такая, более узкая тема была бы законной, если бы мы имели хорошую историю происхождения раскола. И еще вставал вопрос, как сочетать биографию Аввакума с составленным им самим Житием?

Если Аввакум и раскол неотделимы, необходимо было рассматривать их вместе. Моей задачей и явилось дать насколько возможно точное и обстоятельное изложение истории начала раскола, наряду с возможно разносторонней характеристикой Аввакума. Отсюда и вытекает заглавие моей работы.

Для историка-систематика трудность заключалась бы в том, чтобы охарактеризовать эволюцию личности различных персонажей, сохраняя за каждым его удельный вес. Мне кажется, что если ограничиться в определенных рамках последовательным описанием фактов, то трудность в значительной мере снимается: люди и события сами становятся на свои места.

Русские авторы обычно больше заинтересованы в том, чтобы критиковать определенные идеи или излагать свои доктрины, чем в том, чтобы относиться с должным уважением к индивидуальности описываемых ими личностей. Я, со своей стороны, пытался выработать в себе душу москвитянина; пытался скорее понимать, чем судить; коротко сказать, как можно меньше проявлять самого себя. Я хотел бы непосредственно начертать перед глазами читателя верования, чувствования и поступки изображаемых мною лиц.

Указывая спорные моменты и пытаясь разобраться в них, я в большей степени старался выявить производимое ими тогда впечатление, чем решать вопросы принципиально.

Русские авторы любят охватывать памятники с птичьего полета; мне хотелось, скорее, исчерпывающим образом их рассмотреть. Русские авторы охватывают широкие горизонты и охотно считают десятилетиями; они забывают о расстояниях, а ведь путешествие от Амура в Москву длилось целый год или полтора! Это способствует путанице в освещении фактов и препятствует установлению надлежащей перспективы. Мне, с другой стороны, хотелось следовать год за годом, месяц за месяцем, почти что неделя за неделей за ходом реформ, реакцией на них верующих, передвижениями действующих лиц, за тем, как они проповедовали, что они писали и что переживали. Конечно, этот идеал далеко мной не достигнут; может быть, новые архивные розыски позволят ближе к нему подойти. Но уже сейчас несомненно, что хронологическая канва, полученная с помощью этого метода, устанавливает или по меньшей мере предугадывает дотолем неведомые отношения, освещает развитие событий, а также позволяет исправить определенные ошибки. Указывая на источники, я не считал нужным выявлять ошибки моих предшественников; осведомленный читатель разберется в них сам.

III

Это очень скорбная повесть, ибо она говорит о разделении церкви, об отторжении одной из ее частей, без сомнения лучшей, и о подчинении требованиям века сего другой части, безусловно более многочисленной. Она констатирует неудачу попытки реформы. Откуда происходит эта неудача?

Программа, выставленная боголюбцами в 1640–1650 годах, была, несомненно, весьма смело задумана. Речь шла не о чем ином, как о превращении Московского государства в искренне-принимаемое, подлинно-органичное христианское общество, что должно было касаться как внутренней политики, так и индивидуального поведения жителей.

А какое провозглашалось христианство! Христианство чисто монашеской строгости, которое для большинства русских мало согласовывалось с народными традициями и даже с простыми требованиями жизни. Наряду с настоящими пороками, оно запрещало всякое развлечение и всякие удовольствия. Вместо того, чтобы приспособить строгий Студийский устав к возможностям верующих мирян, это христианство предписывало и военным, и крестьянам, в сущности, всему населению, пребывание в церкви от четырех до пяти часов в день.

Эта программа была, кроме того, противоречивой и опасной! Подчеркивая своеобразные черты московской Церкви и строго изолируя верных от всякого религиозного соприкосновения с иноверцами, она предусматривала широкое использование книг, изданных на Юге и на Западе, книг, проникнутых духом латинства. Изменяя с дотоле невиданной смелостью богослужебные книги, она открывала дверь для еще более смелых исправлений. Изменяя характер текстов и обрядов, она рисковала вызвать в церкви целую революцию.

Намерения были безусловно прекрасные. Имелось в виду исправить грамматические ошибки, согласовать каноны и действующую практику, подвергнуть тщательному критическому разбору чудеса, прежде чем включать их в официально признанное житие, изгнать из храмов тех, которые делали из богослужения развлечение и вводили в пение непристойную какофонию, поднять в глазах всех значение священника, требовать строгого подчинения церковным канонам. Но связывалось ли это с той наивной и немного детской интерпретацией естественного и сверхъестественного, священного и мирского, с той глубокой доверчивостью к Богу и человеку, которые характеризовали религиозное чувство, на вид как будто облеченное грубо-материальными формами? Все это в сущности сводилось к разделению двух планов сознания, дотоле смешанных в народном сознании: сферы духовного и светского, церковного и гражданского обихода, наконец, даже сферы вечного и временного. Очищая, регулируя и рационализируя религию, можно было удалить ее от повседневной жизни. Правда, религию делали регулирующей силой этой жизни, но после того, как было сделано определенное разделение, нельзя уже было предсказать, какая из двух сфер будет иметь перевес.

Охватывая взором эти страницы истории, невольно делаешь сравнение. Запад тоже имел свое смутное время, свои религиозные войны, за которыми последовало невероятное крушение устоев общественной и частной жизни. Если мы будем рассматривать Францию, которая была больше всего задета этими событиями, то аналогии являются удивительными: низшее духовенство, пребывающее в кабаках, невежественное, жадное и развратное; церковные службы, совершаемые ускоренным темпом и часто небрежно, проповедь была оставлена, церкви служили светским сборищам, они были завалены разными инструментами, нередко превращались в залы для танцев, в места любовных свиданий; во время церковной службы там не прекращалась болтовня; крестьяне не знали даже, что есть заповеди Господни, кощунствовали, верили в заговоры и заклинания; в общем, они жили и умирали как животные; гражданские власти, начиная от короля и кончая последним сержантом, насмехались над священными предметами...

Реакция была та же. «Все эти ужасные вещи обусловлены скандальным состоянием церкви. Необходима реформа порядков и нравов», – так говорили лучшие умы того времени. Ришелье, ближайший приближенный Людовика XIII, как Филарет при Михаиле Романове, думает больше о государстве, чем о церкви; его цель – надлежащая организация; надо бороться с ересью, восстановить порядок. Но и в это время, и ранее священники и миряне, вдохновляемые одной только верой, ищут внутреннего освящения как общественной, так и личной жизни. К числу этих лиц относятся: Цезарь де Бюс, Берюль, принадлежащий к ордену ораториан, Бокузэн, принадлежащий к Шартрскому ордену, мать Акария, епископ де Сурдис, св. Франциск Сальский, св. Жанна Шантальская, Себастьян Заме, иезуит отец П. Коттон, отшельник отец Иван, отец Бурдуаз, нищенствующий священник Клод Бернар, доктор Андрэ Дюваль, девица Легра, Сольминихак, Ренти, кардинал Франсуа Ларошфуко и множество других. Вопрос ставился о том, чтобы поднять нравственное состояние пастырей, воспитать в семинариях достойное священство, возродить приходскую жизнь, послать на места миссии, очистить веру, преследовать не только дурные нравы, но и то, что их вызывает: ярмарки, шутов, всевозможные развлечения, где священное путалось со светским. Коротко сказать, задача заключалась в том, чтобы вновь обрести добродетели первохристианской Церкви и вернуться к традициям святых отцов. Какое удивительное совпадение с идеалом лучших москвичей того времени!

Отчасти и благочестие как на Западе, так и в России питается теми же источниками: св. Дионисием Ареопагитом, отцами-пустынниками, Иоанном Златоустом, «Лествицей» св. Иоанна Лествичника, Аввой Дорофеем, учением о значении краткой и долгой молитвы, строгими постами, требованием, чтобы даже миряне полностью вычитывали службы. Дар слез ценится латинянами XVII века не меньше, чем прямыми учениками сирийско-византийских мистиков.

Для того чтобы более плодотворно работать над этим великим делом возрождения церкви, многие верующие объединяются в Общество поклонения Святым Тайнам. От этого Общества исходят самые плодотворные начинания. Оно имеет свои отделения в провинциальных городах, друзей, занимающих высокие посты как в Церкви, так и в государстве. Однако действует это Общество независимо от церковных и светских властей, а возможно, и без их ведома. Приблизительно также действует в Москве и кружок боголюбцев.

Но задача насадить в мире христианство является чрезвычайно трудной. Столь смелая реформа наталкивается на людскую слабость и на противодействие властей. Св. Франциск в Вэлей, Олье в Сен-Жермене являются такой же жертвой своих прихожан, как Неронов, Аввакум и Даниил в своих селах на Волге.

Среди ревнителей благочестия выступают разные характеры и типы. Одни стремятся к почти монашескому совершенству. Если большинство не достигает этого идеала, тем хуже. Они, видимо, оставлены Богом. Эта школа Порт-Рояля, матери Анжелики и Ордена Отшельниц. Они похожи, как родные братья, на суровых ревнителей Москвы, на будущих старообрядцев. Перед нами встает св. Киран, который всегда молится босой и с обнаженными ногами, эти непрерывные поклоны, эти слезные молитвы, эти кровавые и пламенные покаяния, это мнение, что «нет науки, какой бы она ни была возвышенной (включая богословие), которая не вредила бы человеку, если он не стремится к любви», этот трепет перед суровым Божеством, более близким к идее Иеговы, чем к евангельскому Доброму Пастырю, это одноголосое пение без всяких музыкальных украшений, эти схватки с демонами, но также и чувство близости Божества, что подтверждается постоянными чудесами, эта гордость своей правотой христианина перед гражданскими властями. Все это очень похоже на то, что совершается в далеком Московском государстве.

Другие соразмеряют свои требования с возможностями, открытыми для большинства. Они принимают мир со всеми его треволениями и красотами, принимают искусство, литера-

туру, театр, увлечение политикой. Объединившись с миром, они сотрудничают с ним в стремлении достичь лучшего будущего. В центре этого движения находятся иезуиты. Однако они не одни, сюда примыкают также св. Винсент де-Поль и Содружество Сестер Царицы Небесной, которые унаследовали духовное богатство св. Франциска Сальского. В Москве их место занимают Никон и его сторонники.

Между этими двумя направлениями нет резкого разрыва: многие отказываются решительно примкнуть туда или сюда. Очень долго в церкви продолжает господствовать более строгая практика, наряду с более свободной. Достаточно вспомнить в середине XIX века священника Арского, который воспрещал какие бы то ни было развлечения. Самое большое зло вытекает из внешних обстоятельств: из честолюбия и соперничества отдельных лиц, и особенно из того, что группа Порт-Рояля приняла янсенистскую точку зрения на благодать. Трактат «Августинус» высказывает богословское мнение, дотоле неведомое простецам, но более или менее уже намеченное в практике ригористов, именно что падшая человеческая природа является до конца испорченной. Но это мнение еще не является окончательным: пять основных его положений отвергаются самим Арно. Сперва все сводится к фактам и поведению христианина, потом к вопросу о подчинении: Порт-Рояль восстает против Рима. Такая же картина и в Москве: разрыв происходит сперва в связи с обрядами и отношением к грекам; потом возникает вопрос канонического порядка: подчинение патриарху и царю.

Во Франции, как и в России, раскол осуществляется не сразу. Начинается дело с янсенистов, которые были твердыми и последовательными христианами. Паскаль, например, или Николай Павильон, были ли они раскольниками? На некоторое время во французской церкви устанавливается мир, как и в России после ухода Никона.

Тут наблюдается еще одна интересная черта сходства: янсенисты, чтобы заинтересовать широкие круги, используют для распространения своих богословских мнений общепонятный язык: они оказываются «самыми лучшими грамотеями» во Франции; старообрядцы первыми начинают писать по-русски, а не по-славянски, в большом количестве создают различные сочинения, челобитные, письма, жития и трактаты. И у тех, и у других большую роль играют женщины. Янсенисты, сперва близкие к епископату, затем начинают опираться на городских священников, во главе старообрядцев стоят протопопы.

Но уже с самого начала различия намечаются все резче: архиепископ Перефикс в 1664 г. говорил о монахинях Порт-Рояля, что они «чисты, как ангелы, и горды, как демоны»; приблизительно то же самое говорит митрополит Питирим о боярыне Морозовой. Усиленная полемика вызывает взаимное недоброжелательство, несправедливые упреки, а наряду с этим – словопрение. Идут бесконечные споры – пока еще между единоверцами. Затем наступает разделение, и одна часть церкви решается жить без церковной власти. Ставится вопрос о таинствах. Благочестивый Гамон, не сомневаясь в действительности таинств, считает их необязательными: необязательно даже и крещение. «Нам достаточно обратиться к Исповеднику сердца – Господу Иисусу Христу, и Он отпустит нам грехи». В случае нужды «все верные могут стать царственным священством Христовым».

Янсенизм засыхает, превращаясь в рационализм, или расплывается в индивидуалистическую и беспорядочную мистику. Он, невольно, устремляется как раз в обратном направлении желаемой цели; он способствует потрясению христианского мира. Старая вера могла бы подчинять русскую вольницу более строгим верованиям, религиозным обычаям и нравственным требованиям. Увы! Она делится на бесконечное количество подразделений, из которых некоторые носят рационалистический, а другие мистический характер. Между конвульсиями Сен-Мэдара и кружениями хлыстов имеется очевидное сходство.

Осталась ли чистой и неповрежденной сама Галликанская церковь? От нее отошли многие глубоко верующие христиане, настолько же увеличилось количество христиан поверхностных. Но самое главное, что светские власти, вооружившись не столько на борьбу за догмат,

сколько против непреклонных христиан, буквально «задавили ее своими щедротами». Удивительный расцвет духовной жизни первых шести десятилетий века, – эта эпоха святых – сменилась эрой «великого короля»: парадной религией, где отсутствовала глубина. Затем наступил XVIII век с епископами-«философами»: наконец, пришел Талейран. Религия, говорилось в это время, хороша для народа, но не для просвещенных умов. Сколько раз Франция стояла на грани цезарепапизма! Россия, начиная с Петра Великого, вступила в него. Итак, неудача реформы, если она и была различной, была и тут и там одинакового характера.

Если во Франции можно было наблюдать разрыв между разумом и верой, а позже между народом и верой, то не потому ли это, что первые реформаторы, в целях очищения религии, вырыли слишком глубокий ров между священным и мирским? Изгнать из храма Нотр-Дам-дю-Пор в Клермоне безобразный маскарад так называемых «невинных» означало вернуть храм Богу, но вместе с тем и отдалить людей от Бога. Запретить в Марселе «прощенную неделю», вследствие связанных с нею попок, означало не что иное, как помешать христианам в начале поста взаимно прощать друг другу грехи, а это означало порвать древнюю связь с другими церквями, в первую очередь связь с русской церковью; и это также вызывало ожесточение сердец. И так везде. Сначала светское начало смирилось. Но затем, когда оно начало протестовать, то духовенство, представлявшее собой как бы отдельное сословие, оказалось без влияния на широкие массы. А когда успехи наук вызвали к жизни новую философию, то богословие, укрывшееся в своей собственной области, уже не смогло направлять их. Когда экономические отношения усложнились, то заповедей индивидуальной морали оказалось недостаточно. Затем уже встала проблема вернуть людям церковь, которая как бы отвлеклась от жизни, вернуть ее во все области этой жизни, во все слои населения.

Почему результаты этой неудачи оказались менее трагичными во Франции, чем в России?

Во Франции усилия ревнителей сосредоточились в солидно организованных учреждениях: в Ордене «Посещения Богородицей св. Елисаветы», в Орактории, Ордене св. Сульпиция, в семинариях, а также в больницах и колледжах, наконец, в Миссионерском ордене. Когда наступил период религиозной сухости, эти учреждения остались со своими традициями, своим уставом, созданным их основателем. В любой подходящий момент они были готовы снова расцвести. В России ничего подобного не было: никоновские справщики, в такой же мере как их предшественники, нимало не создавали грамотных богослужебных книг; и те и другие оставляли проблему исправления богослужебных книг фактически без решения. Дионисий и Неронов, приобретая учеников, не питают мысли о создании семинарии; нет человека, который мог бы создать ядро большой реформы монастырей. Ничего нет готового, нет базы для будущего сопротивления, для будущего возобновления работы. Отсюда вытекает абсолютное бессилие, а отнюдь не относительная слабость церкви, поставленной перед лицом враждебных ей сил.

Это бессилие русской Церкви вытекает в еще большей степени из ее национальной изоляции. Против всех начинаний государственной власти Галликанская церковь имела прибежище: авторитет святого Римского Престола. Даже те, кто давали термину «галликанский» наиболее схизматический характер, предусматривали право обращения к Вселенскому Собору. И, соответственно, даже при «Божественном праве» Людовика XIV или под сапогом Наполеона мы ни разу не видели эту церковь полностью подчиненной. Напротив, русская церковь, отделенная не только от Рима, но и от Византии, представляла собой церковь сиротствующую, предоставленную всем прихотям ее опекунов.

Это сопоставление не стоило бы и делать, если бы оно представляло лишь внешний интерес. Нет, более того, оно может дать материал для тех, кто наблюдает великие идейные движения, кто следит за историей религии, за сдвигами религиозной психологии. Меня же эта аналогия задевает с другой стороны. Она показывает, насколько, в сущности, едино христианство

на Востоке и на Западе. Несмотря на отсутствие контактов, несмотря на невежество и отрицательные тенденции, болезни, подлежащие лечению, одни и те же. Те же и стремления, и средства к достижению цели.

Просто волнует внутренняя близость между католиками и этими православными XVII века. Она выявляется во всем, вплоть до деталей, выражения мысли, обычаев, выявляется в тысяче черт, которые я не могу даже и перечислить. Надеюсь, что эти предварительные замечания достигнут того, что читатель будет с правильной снисходительностью и с симпатией следить за страданиями и злоключениями этих бедных людей доброй воли: протопопа Аввакума и его друзей.

* * *

Я хотел бы выразить благодарность русским как ученым, так и обычным людям, которые, насколько позволяли обстоятельства, великодушно помогли мне – своими знаниями или личными книгами. Увы, величайшей неблагодарностью с моей стороны было бы их назвать!⁵⁵

И напротив, я счастлив выразить благодарность г. Полю Буайе, открывшему передо мной Библиотеку Школы восточных языков, гг. Жюлю Легра и Раулю Лабри, чья дружба оказалась для меня незаменимой, и особенно г. Андре Мазону, который непрестанно, почти ежедневно поддерживал меня, интересуясь моей работой, ее публикацией. Национальный научный фонд позволил мне довести ее до стадии редакции. Этот труд, возможно, не увидел бы свет без отца П. Дюмона и Поля Буайе, которые пожелали принять его: первый в собрание Центра изучения России «Истина», второй – в библиотеку Французского института в Ленинграде⁵⁶.

---

⁵⁵ Этот абзац был добавлен во втором издании. – *Прим. ред.*

⁵⁶ Заключительный абзац публикуется в расширенной редакции второго издания. В издании 1938 г. было: Я приношу благодарность господину Полю Буайе, который позволил мне пользоваться Библиотекой Школы восточных языков, моим друзьям господам Жюлю Легра и Раулю Лабри и, особенно, господину Андре Мазону, который на протяжении всего выполнения этого труда непрестанно поддерживал меня. Благодарю также Национальный научный фонд, который позволил мне с материальной стороны осуществить эту работу. Благодарю также и достопочтенного отца Дюмона. – *Прим. ред.*

Предуведомление

Все даты приводятся по юлианскому стилю: он отстает от григорианского на 10 дней, если речь идет о XVII веке.

Библиографические ссылки, приводимые в низу страниц, дополнены в алфавитном порядке в конце книги.

Согласно замыслу автора, к настоящему изданию сделан в качестве дополнения перевод «Жития протопопа Аввакума, написанного им самим», опубликованный с предисловием к нему и комментариями⁵⁷. [1]

---

⁵⁷ La vie de l'archiprêtre Avvakum, écrite par lui-même, et sa dernière épître au tsar Alexis / Traduite du vieux russe avec une introduction et des notes par Pierre Pascal. Paris, 1938. 2 éd. Paris, 1960. – *Прим. ред.*

Глава I

Русская церковь после Смутного времени. Стремление к реформе

I

Материальные и моральные последствия Смутного времени

Со времени татарского нашествия Россия не переживала потрясений, подобных эпохе Смутного времени. Вслед за борьбой боярских партий за трон вскоре пошли народные восстания против бояр, усугубившиеся внутренними мятежами и вторжениями чужеземцев. Вся страна от южных границ до крупных городов на Севере, от Пскова и Новгорода до Урала, попала в этот водоворот. Оказались затронутыми все социальные группировки либо как действующие лица, либо как жертвы событий. Кризис, начавшийся смертью царя Федора 7 января 1598 года, продолжался еще в течение долгого времени после избрания царем Михаила Романа в 1613 году. С самого начала события приняли форму всеобщего крушения государства, церкви, нравов и бытовых устоев, что сопровождалось ужасающей материальной разрухой. Всеобщность катастрофы поражала человеческие умы, ставила проблемы перед мыслителями и налагала на сознательных людей⁵⁸ определенные обязанности. Теперь трудно представить себе, в каком опустошении находилась в то время большая часть Руси.

В западной и центральной частях Руси, уже много перенесших в связи с политикой Ивана Грозного в последней трети XVI столетия, население катастрофически редело. Затем удар был нанесен Поморью, бывшему еще недавно в полном расцвете своих сил; там тоже после отрядов Лисовского и Сапеги крестьяне еще долго твердили, говоря о пустопорожних землях: «Пустошь, бывшее селение такое-то». Там, где прошли поляки и казаки, очень часто оставалось не более четверти прежнего количества обитаемых дворов и обработанных земель. У богатого Троице-Сергиева монастыря, владения которого простирались на 196 000 гектаров земли, охватывая 60 самых разнообразных областей⁵⁹ и который обладал более чем кто-нибудь другой средствами для поддержания этих владений, в 1614–1616 годах⁶⁰ насчитывалось не более 1,8 % пахотной земли вместо 37,3 % пахотной земли, имевшейся в 1592–1594 гг. Фактически, от прежних пахотных земель почти ничего не осталось. И сколько было при этом разоренных деревень и убитых крестьянских семейств! Во время голода 1601–1603 гг. в Москве на трех кладбищах («скуделницах») было погребено 127 000 трупов крестьян, сбежавших из деревень, не считая умерших горожан, которых обычно хоронили вокруг четырехсот московских церквей⁶¹.

---

⁵⁸ Самым последним печатным трудом по вопросу о Смутном времени является книга С. Ф. Платонова «Смутное время». См. также первые главы «Очерков по истории царствования Михаила Феодоровича» Е. Д. Сташевского. Но самыми характерными являются тексты этого времени, собранные Платоновым в XIII томе «Русской исторической библиотеки», или отдельные описания, как городов, так и монастырей.

⁵⁹ Кедров. С. 22 и прим. 1.

⁶⁰ Сташевский. Очерки. С. 28–29.

⁶¹ «История» Авраамия Палицына (РИБ. XIII. Стб. 481). Даже если цифра 127 000, взятая из официальных данных, и была преувеличена, то, по крайней мере, она свидетельствовала о том впечатлении, которое эта катастрофа произвела на современников.

В истории городов и монастырей эти годы характеризуются ужасными разрушениями и убийствами. По словам одного летописца, в Угличе было сожжено 12 монастырей, 150 церквей, 12 000 домов и было убито, повешено и утоплено 40 000 человек⁶². В Спасо-Прилуцком монастыре⁶³ 18 декабря 1612 года было убито 200 человек, из них 59 монахов, которых сожгли в самой трапезной; в феврале 1614 года татары, посланные на защиту остатков монастыря, опустошили его, а в 1619 году он сгорел дотла⁶⁴.

В ночь на 24 сентября 1612 года на Вологду нападают «поляки, литовцы, черкесы⁶⁵, казаки и русские отряды»: они убивают жителей города, оскверняют церкви, поджигают город и его окрестности. Теперь, как пишет архиепископ Сильвестр, Вологда представляет собой не что иное, как дымящиеся угли. Все это произошло из-за небрежности местного правителя Одоевского. Слишком поздно приезжает на место воевода Образцов со своей ратью; никто не повинуется, стоит сплошной грабеж. Вообще, все происходит из-за пьянства: пьянство воевод погубило Вологду⁶⁶.

Разруха и избиения приняли еще более ужасающий характер из-за сопутствующих им обстоятельств: «русские разбойники» присоединялись к внешним врагам для нападения на своих же русских собратьев; поголовно везде наблюдалось аморальное поведение даже тех, которым надлежало служить примером; наблюдалось неслыханное распространение всех пороков: вероломства, лицемерия, продажности, подлости, невоздержанности, сластолюбия, себялюбия, всеобщей ненависти и скупости. Чувствовалось какое-то непостижимое сцепление преступлений и бедствий. Шли дикие казни по примеру совершавшихся Иваном Грозным или вроде умерщвления его юного сына Димитрия по приказу Годунова, и вместе с тем по всей Руси о невинно пролитой крови царило жуткое молчание; господствовал отвратительный, гнусный террор, при котором отец боялся разговаривать с сыном, а брат с братом; распространялось пристрастие к иностранным обычаям, склонность к роскоши и пиршествам даже у купцов и крестьян; вскоре наступил голод; везде распространено было лихоимство сильных мира сего, жадность торговцев, особенно зерном и порохом, лекарей; сами русские были чужды друг другу; шла гражданская война и совершались вторжения иностранцев; повсеместно распространялось презрение к церковным заповедям; святыня же осквернялась еретиками.

Неслыханная вещь: сама вера в Святой Руси, с гордостью провозгласившей себя преемницей Рима и Византии, была подорвана. Был такой момент, когда налицо было четыре патриарха: Иов, свергнутый Лжедмитрием; Игнатий, изгнанный после падения узурпатора; Филарет, вначале принятый царем Василием; наконец, Гермоген, законным образом принявший власть!⁶⁷

Церковь оказалась во власти политических интриг. Храмы служили конюшнями для лошадей; перед алтарями кормили собак; блудницы пользовались священными сосудами для обмываний; иконы осквернялись; монахинь заставляли есть мясо во время поста; священники подвергались оскорблениям и пыткам, а верующие, изгнанные в необитаемые места, умирали без исповеди.

---

⁶² Эдинг. С. 162, см. прим.

⁶³ Монастырь, расположенный на расстоянии 5 км от Вологды, по дороге к Архангельску.

⁶⁴ Савваитов, Суворов. Описание. С. 1–51.

⁶⁵ Так называли запорожских казаков, по названию их города Черкассы.

⁶⁶ Письмо Сильвестра, архиепископа Вологодского, боярам (от 29 сентября 1612 г.) // Русская старина. 1882. XII. С. 677–678. В церковной ведомости числятся убитыми и сожженными три протоиерея, тридцать два священника, шесть дьяконов и шесть монахов, среди них святой Галактион (*Копонлев*. С. 108, прим. 45).

⁶⁷ Платонов. Очерки. С. 306–307.

Царь, и особенно царица, которая предалась латинской ереси⁶⁸, угрожали самому православию. А потом поляки заняли Москву и самый Кремль. В часы своего досуга священник Иван Савельевич Наседка, бывший свидетелем этих печальных картин и впоследствии возвратившийся в Троице-Сергиев монастырь для служения в монастырской церкви, предоставленной в распоряжение жителей взамен разрушенных приходских церквей, размышлял так: «Некогда латиняне отошли от православия, а затем все страны Запада впали в лютерскую ересь. Православие умерло и у нас на Руси, покоренной еретиками». И он в отчаянии плакал⁶⁹.

Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиевого монастыря, писал в 1615 году: «Не было никогда еще таких бедствий и никогда не будет»⁷⁰.

---

⁶⁸ Описание этих событий взято из «Истории» Авраамия Палицына (РИБ. XIII. Стб. 475–519).

⁶⁹ Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 23–24.

⁷⁰ РИБ. XIII. Стб. 500. По вопросу о положении церкви на Руси во время Смутного времени существует работа Ф. Иванова, с которой автор не знаком.

II

Религиозное пробуждение: необходимость моральной реформы. Ненависть к латинству, недоверие по отношению к другим православным (русским, проживающим на Западе и Юге, к грекам). Возвышение Московского Православия

Русский народ во всех своих бедствиях всегда чувствовал карающую десницу Божию. И во время всех этих страданий народ, осознавая с ясностью свою вину, чувствовал, как его ныне карает Господь. Раз вся страна переживала такое испытание, значит она заслужила это за бесчисленные грехи некоторых людей, за грехи мирские, грехи всего общества. Не было невинных, у каждого было в чем раскаиваться, было в чем исправляться. Это убеждение находило свое подтверждение у восторженной души народа в видениях и небесных предостережениях.

В ночь на 12 октября 1606 года один московский мещанин видел следующее. В Московском Успенском соборе Матерь Божия обратилась к своему Сыну со следующими словами: «Сжался над русским народом, ибо многие из них жаждут покаяться». А Сын ее отвечает: «Нет, слишком много печалят они меня своими развращенными нравами: осквернили они церковь Мою праздными разговорами, они ругаются, обрезают друг другу бороды, впадают в содомский грех, нарушают законы, воруют». Пресвятая Дева вместе со св. Иоанном Крестителем и со всеми святыми продолжают умолять Христа. Но Христос не соглашается выполнить их просьбу. «Нет больше правды ни у царя, ни у патриарха, нет ее и в церковных порядках и нет ее совсем у моего народа». Наконец, Христос уступает настоятельным просьбам: «Я пощажу их, если только они покаются». Об этом видении московский мещанин доложил протопопу Терентию, вслед за чем была объявлена неделя поста и молитв⁷¹.

Это видение было настолько нелестно для гражданских и церковных властей, что их нельзя заподозрить в том, что они его выдумали. Оно выражает переживания народа в целом: жажду справедливости и милости в таком океане зла.

Мы видим, как в эти годы появляются праведники, отшельники и затворники, вокруг которых собираются толпы взволнованных людей, жаждавших наставления.

В большом Борисоглебском монастыре близ Ростова Иринарх, сын простого крестьянина из пригорода, надевает на себя все новые вериги по мере того, как бедствия все больше и дольше довлеют над Русью, но в 1608 году он покидает свою келью и идет «говорить правду» царю Василию. Своими добродетелями он внушает уважение Сапеге и полякам, которые не осмеливаются трогать его монастырь. Он благословляет на подвиг спасителей страны Скопина-Шуйского, Минина и Пожарского, а впоследствии – Лыкова. Он таинственно появляется на горизонте истории в горестное для страны время и исчезает вместе с ним в 1616 году⁷². Рядом с ним мы видим появление целого сонма праведников. Тут – в Ростове – Тихон, Александр, Пимен и Корнилий, в Переславле – Дионисий, на Клязьме возникает по почину неизвестного праведника скит святого Георгия, в Вологде – появляется Галактион. Последний, будучи сыном боярина Бельского, казненного по приказу Ивана Грозного, скитался в течение

---

⁷¹ РИБ. XIII. Стб. 177–184. Аналогичные видения были: в 1607 году в Москве, в последующие годы – в Нижнем Новгороде, во Владимире (Там же. Стб. 184–186, 235–248). Кроме того, см.: *Успенский Д.* Видения Смутного времени; *Фаминский.* Основные переживания.

⁷² История его жизни была опубликована в 1909 году во 2-м издании XIII тома «Русской исторической библиотеки» (также и отдельно). Краткое изложение см. в книге Забелина «Минин», с. 250–259.

долгого времени, занимаясь сапожничеством, потом пришел в Вологду проповедовать обновление нравов; он был убит поляками во время резни 1613 года, которая и была им предсказана. В критические времена Русь, подобно Израилю, имела своих пророков. Все они вели один и тот же образ жизни, скитаясь в веригах, нередко они привязывали себя к стене своей кельи, не прикасались ни к мясу, ни к рыбе, ни к маслу, но они принимали множество людей, приходивших к ним с душой, полной скорби⁷³. В те времена многие создают для себя монастыри и скиты: с 1598 по 1618 год в «Истории российской иерархии» таковых зарегистрировано 48, за двадцать лет их создано столько же, сколько за предыдущие сорок шесть лет⁷⁴. Таким образом, в глубине народной души повсеместно проявлялось стремление к моральному и религиозному обновлению, которое было вызвано страхами и ужасами Смутного времени.

Другим чувством, которому суждено было укорениться в эти годы, было чувство ненависти и сознание непреодолимой пропасти между православными и латинянами. Прежняя ненависть, унаследованная еще от греков, вспыхнувшая снова позже в результате неудачной попытки соединения церковью митрополита Исидора после Флорентийского собора, сначала не выходила из официальных кругов, но уже Брестская уния в 1596 году усугубила положение вещей: западная и южная Русь, подчиненная Польше, в основном перешла под власть папы, с постепенно латинизируемой литургией и с постепенно уменьшающимся количеством православных иерархов; в то же время низшее духовенство терпело там массу притеснений; православные пытались мстить за это заимствованием у протестантов их нового антикатолического арсенала: Рим был объявлен Вавилоном Священного Писания, а папа был назван антихристом⁷⁵. Все это узнавалось через выходцев с Запада и из книг; и слухи о тех опасностях, которым подвергалась вера за границей, распространялись широко. В 1601 году Мартин, иезуит, сопровождавший Сапегу в Москву, с горестью констатирует: «Русские питают неумолимую ненависть к католикам, они полны предубеждений против папы, упорно придерживаются их и не желают дать себя переубедить»⁷⁶. Но теперь уже все население городов и деревень было в ужасном негодовании: даже в Москве была пролита христианская кровь; эти латиняне, поляки и литовцы, – были настоящие «язычники»! Иначе их и не называли. Их соучастника беглого монаха-расстригу Отрепьева принимали за посланца антихриста. Булочник Федор, когда его вели на казнь, бросил этот самый упрек толпе: «Се прияли есте образ антихристов и поклонистесь посланному от сатаны»⁷⁷.

Слово «латинянин», более чем когда бы то ни было, стало синонимом национального и религиозного врага⁷⁸.

Между тем, эти литовцы или белорусы, или эти запорожские казаки, которые называли себя православными и которые, вместе с поляками, грабили монастыри и оскверняли церкви, также не могли быть истинными христианами. Это ведь именно они впоследствии, как они сами признались, с 1612 по 1614 год разграбили все Поморье вплоть до Архангельска и Олонца: «Опустошители нашей истинной православной веры, – они надругались над Крестом Христовым»⁷⁹.

В 1618 году 20 000 казаков сопровождали Владислава, сына польского короля, в его поездке в Москву. Все эти люди были довольно равнодушны к религии, во всяком случае очень

⁷³ Миловский. С. 5–17.

⁷⁴ Амвросий. История российской иерархии. VI. С. 1122–1129.

⁷⁵ Так пишет и Зизаний в своем комментарии к 15-му огласительному поучению святого Кирилла Иерусалимского об антихристе, изданному в Вильно в 1595 году. Этот комментарий был перепечатан в Москве в «Кирилловой книге». См. выдержки, цитированные А. Лиловым (*Аилов*. С. 142–161).

⁷⁶ Pierling Paul S. J. La Russie et le Saint-Siege. Paris, 1897. II. P. 372–373.

⁷⁷ РИБ. XIII. Стб. 493.

⁷⁸ Šmurlo E. Le Saint-Siege et l'Orient Russe. Prague, 1928. P. 3.

⁷⁹ Так о них отзывается Сильвестр, архиепископ Вологодский (*Харлампович*. Малороссийское влияние. С. 18–19).

далеки от характерного для Москвы глубокого благочестия. Их нравы вызывали негодование. Поэтому очень легко было заподозрить их в латинизме. Все то, что шло с Юга и Запада, надолго останется у русского народа под подозрением⁸⁰.

Но лжепатриарх Игнатий, ставленник Лжедмитрия и его приспешников, которого считали переодетым униатом, был грек. Какое своевременное напоминание о падении греков, соблазненных Римом⁸¹, наказанных гибелью Константинополя и с тех пор обесчещенных, продажных, оскверненных своей зависимостью от нехристей! Существовавшее уже около столетия мнение о них ныне подтверждалось печальной действительностью.

Таким образом, русские могли рассчитывать только на самих себя: только в Москве существовала незапятнанная, чистая вера. В других местах везде, даже у их братьев по крови и вероисповеданию, православие было загрязнено ересью. Москва, со своим патриаршим престолом, воздвигнутым в 1589 году и уже освященным двумя мучениками, Иовом и Гермогеном, была третьим и последним Римом, «превосходя по благочестию все древние империи» а царь ее был «единственным во всем мире» христианским властителем⁸². И, однако, именно эта Москва чуть было не погибла и была так сурово наказана Провидением!

Таковы были переживания, волновавшие русский народ в конце эпохи Смутного времени и начале царствования Михаила Федоровича. Естественно, что после пронесшейся бури льстившая самолюбию русских идея о превосходстве московского благочестия должна была одержать верх над стремлением к покаянию и реформе. Народ видел необходимость возрождения, но по причине человеческой слабости он не имел воли заставить себя пойти по этому пути. Но толчок был дан. Несколько избранников взяли на себя выполнение священного долга, однако даже и у них оказались свои собственные своеобразные внутренние настроения. Они пошли в значительной степени своим путем, не считаясь с толпой; противостояли народным обычаям и нравам, либо приписывали народу слишком возвышенные идеалы. Это и явилось причиной разногласий между массой верующих и лучшей частью духовенства, а затем должен был неизбежно наступить разлад и в среде самих сторонников реформы.

---

⁸⁰ Там же. С. 17–19.

⁸¹ Согласно представлению русских о Флорентийской унии (1439).

⁸² Слова эти заимствованы из указа об учреждении патриаршества, составленного собором русских и греческих иерархов; см.: *Кантев*. Характер отношений России к православному Востоку. С. 49.

Первый период (1616–1633): Филарет и Дионисий

I

Дионисий из Троицкого монастыря и исправление церковных книг

Троице-Сергиев монастырь, расположенный в 60 верстах севернее столицы, проявил себя в самые тяжелые минуты как оплот православия и борьбы за национальную независимость против захватчиков, а впоследствии и как вдохновитель отрядов, несших народу освобождение. Как только миновала опасность, он оказался, под руководством своего архимандрита Дионисия, главным оплотом церковной реформы.

Дионисий из деревни Зобнино является одним из самых симпатичных деятелей своей эпохи⁸³. Он родился во Ржеве, в Верхнем Поволжье, в крестьянской семье; его отец был избран старшиной Ямской слободы в Старице. Его воспитали старицкие монахи, он был в течение шести лет священником в посаде этого города и являлся одним из первых сельских священников, которые были призваны сыграть большую роль в XVII веке. После смерти жены и двух сыновей он поступает в монастырь. Благодаря своим способностям и добродетелям, он вскоре был поставлен в архимандриты и проявил в этой должности определенную смелость, оказав, несмотря на приказ царя Димитрия, горячий прием впавшему в немилость патриарху Иову. История предназначала ему политическую роль, к которой он отнюдь не был предназначен в силу скромности и мягкости своего характера: новый патриарх Гермоген оставляет его в Москве в качестве своего помощника. Он не отказывается от этого поста, успокаивает брожение в массах, подает советы царю, но всегда с трудом покидает свою келью и службу в соборе. Наконец, в 1610 году ему вверяют обитель преподобного Сергия. Тут он восстанавливает развалины после 16-месячной осады, оказывает приют беглецам, кормит голодных и, что самое главное, пишет послания в разные крупные города, призывая жителей к защите веры и родины. Это апогей его гражданской деятельности.

Но у него были и другие стремления. Как только обстоятельства позволили, он принялся за дело, огромное значение которого он, несомненно, предвидел: обновление Церкви. Обрушиться непосредственно на весь верующий народ было нереальным. Для того, чтобы воздействовать даже на монахов, которые в разгар самой осады предавались пьянству и разврату, на бояр, всегда готовых к грызне между собой, притом невежественных и грубых, для всего этого нужна была другая рука, чем та, которая была у него. Мягкому и снисходительному пастырю легче было исправлять книги, чем людей.

Еще раньше Дионисий нашел в богатой библиотеке Свято-Троицкого монастыря рукописи Максима Грека, ученого монаха с Афона, которого пригласили для перевода Толковой Псалтыри, испорченной еретиками-жидовствующими, и которому поручили потом пересмотреть Триодь, Толковое Евангелие, Пролог, Праздничную Минею и Апостол. Вскоре его обвинили в дискредитации русских святых, празднования которым отмечались согласно древним книгам, и осудили его как еретика; его заключили в тюрьму и, в конце концов, он умер в Троицком монастыре 21 января 1556 года⁸⁴. Дионисий считал себя его учеником. Его писания

---

⁸³ Мы довольно хорошо знакомы с Дионисием, особенно по его Житию, написанному Симоном Азарьиным (рукопись № 416 из Синодальной библиотеки, находящаяся в настоящее время в московском Историческом музее [ГИМ. Синодальное собр. № 416]; имеются издания с купюрами 1808, 1816, 1817, 1824, 1834, 1854 годов). Есть также хорошая монография Д. Скворцова (*Скворцов. Дионисий Зобнинский*).

⁸⁴ О Максиме Греке см. хорошую монографию у В. С. Иконникова «Максим Грек и его время», намного расширенную

были запрещены, однако он все же показывал их монахам. Он решил продолжать дело Максима Грека.

Самой необходимой книгой для богослужения, которой пользовались почти ежедневно, была книга, содержащая чин трех литургий с главными молитвами, чин крещения, погребения и различных чинопоследований, именуемая то Служебником, то Требником. Она существовала в рукописном виде, конечно, в очень большом количестве экземпляров, относившихся к различным эпохам; рукописи эти сильно отличались одна от другой и содержанием – одни состояли из 89 глав, другие из 141 главы и даже из 159 глав – и формулировками молитвословий различных обрядов. В 1602 году эта книга была впервые напечатана. Тогда удовлетворились перепечаткой одного полноценного экземпляра XVI века, не интересуясь сопоставлением одной рукописи с другой.

Осенью 1615 года встал вопрос о переиздании Служебника-Требника. Авраамий Палицын, келарь Троицкого монастыря, находился в это время в столице по денежным делам монастыря; он добился того, чтобы переиздание этой книги было связано и с некоторым упорядочением существовавшего в ней хаоса, с тем, чтобы церковь получила действительно тщательно проверенную книгу. Он пользовался достаточным авторитетом и ему удалось также добиться того, чтобы выполнение этой задачи было доверено его монастырю; по его просьбе Дионисий поспешил направить в Москву самых просвещенных мужей из своего ближайшего окружения: монаха Арсения Глухого и священника Ивана Наседку. Более того, он вынес решение, чтобы вся работа по пересмотру книги производилась в Троицком монастыре особой комиссией под руководством архимандрита Дионисия; об этом гласил специальный указ царя от 8 ноября 1616 года⁸⁵. Из того, что нам известно, видно, что во всем этом деле Палицын и Наседка выступали по прямому поручению Дионисия.

Справщики сравнивали издание 1602 года с более чем 20 славянскими рукописями, иногда 150- и 200-летней давности, среди которых был один верный экземпляр известного Служебника, переведенного с греческого в 1397 году митрополитом Киприаном. Так как царь требовал от них быстроты выполнения поручения, то они трудились «без преувеличения восемнадцать месяцев днем и ночью»⁸⁶. В своей работе они проявили большое усердие и проверили, кроме Служебника-Требника, много и других богослужебных книг. Наконец, к весне 1618 года они представили свои поправки. В них были некоторые сокращения и изменения.

В молитве освящения воды накануне Богоявления в издании 1602 года было написано: «Сам и ныне, Владыко, освятив воду сию Духом Твоим Святым и огнем». Слов «и огнем» не было в наиболее древних рукописях; они появились только в XVI веке, сначала они были введены скромно, вставленными на полях или над строкой и только позже появились в самом тексте; их, якобы, не было в греческих книгах. Отрицание этих слов исходило, конечно, от греческого епископа из Елассона, Арсения, нашедшего убежище в России и получившего затем суздальский епископский престол. Эта вставка в тексте была залита чернилами.

Были также упразднены две молитвы, которыми священник перед служением отпускал себе свои собственные грехи: они были неподобающим образом заимствованы из обрядов исповеди (то были слова, обращенные исповедником к своему духовнику, причем они были из второго лица переведены в первое); до конца XVI века они в указанном месте не встречались.

Много изменений было внесено в формулировки молитв. Справщики заметили, что некоторые молитвы, обращенные к одному лицу Святой Троицы, заканчивались словами, относящимися ко всем трем лицам: «И Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу».

во 2-м издании (Киев, 1915), с именным указателем.

⁸⁵ ААЭ. III. С. 482–483.

⁸⁶ Слова Арсения Глухого, приведенные Д. И. Скворцовым (*Скворцов. Дионисий Зобнинский*. С. 215). Служебник. М., 1602. Л. 236 об. – *Прим. ред.*

Нельзя ли было подразумевать под этим, что Отец, Сын и Святой Дух представляют собою одно лицо? Это была савеллианская ересь, смешивавшая лица Святой Троицы. Ведь писали же в конце молитв, обращенных к Сыну: «Тебе бо подобает всяка слава, честь и поклоняние со Безначальным Ти Отцем и со Пресвятым Благим и Животворящим Ти Духом»⁸⁷. В других местах, согласно другим формулировкам, можно было бы подумать, что Святая Дева была матерью Бога Отца, либо что воплотился Бог Отец. Все это было исправлено и в Служебнике-Требнике, и в других книгах, в Псалтыри и особенно в Уставе, который был доставлен головщиком хора Троицкого монастыря Логгином.

Справщики всюду находили бесчисленное количество ошибок в знаках препинания и в окончаниях слов. Эти ошибки, как будто простительные с внешней стороны, в сущности угрожали самому православию: они внушали то манихейское учение, разделяющее Сына Божия от Сына Пресвятой Девы Марии, то ересь Ария с ее тремя сущностями в Святой Троице, то, в других местах, они смешивали две природы во Христе или вводили ересь Пирра, Сергия и Павла, преданную анафеме шестым Вселенским собором при Константине Брататом, иными словами, они намекали на монофелитство.

Во всей этой критике чувствовался подлинный грамматист и логик, каким был Арсений Глухой: он изучил у св. Иоанна Дамаскина разделение на восемь частей речи, сам составил краткую грамматику, составил элементарное пособие для разговора и письма и немало этим гордился. Чувствовался в этой работе и такой тонкий богослов, каким был Наседка, и такой знаток богослужения и любитель прекрасных и благолепных обрядов, каким был архимандрит Дионисий, у них у всех были свои духовные запросы, которые не вполне совпадали с наивной религиозностью того времени – как верующих, так даже и большей части духовенства.

На соборе, собравшемся 4 июля 1618 года, по требованию Дионисия, для обсуждения предлагаемых исправлений, произошла дискуссия, которая приняла необыкновенно ожесточенный характер. Самые сильные нападки исходили от монашеской братии самого Троицкого монастыря, от еkkлесиарха Филарета, иеромонаха Филиппа, пономаря Маркела, от того самого справщика Логгина, которого до этого подвергли критике за правленный им Устав, а также от Дорофея, канонарха Новоспасского монастыря, и от Авраамия, архимандрита Чудова монастыря.

Не приходится говорить о зависти духовенства Москвы по отношению к Троицкому монастырю, потому что главные обвинители были именно из этого монастыря; нельзя также говорить о простых личных ссорах духовенства внутри Троицкого монастыря, так как эти споры и диспуты не могли определить характер собора в целом, на котором присутствовали даже «миряне, сведущие в божественных Писаниях»; нельзя говорить тут и о простом невежестве, потому что по крайней мере Филарет, Логгин, Дорофей, Авраамий в силу самого характера своего служения были хорошо знакомы с церковными книгами. В общем, можно сказать, что это собрание отразило некоторую среднюю линию в русской церкви: оно сочло слишком смелым и дерзновенным трогать, ради требований логики или словесности, тексты, освященные одновременно и обычаем, и самым фактом того, что книги были напечатаны. Одна напечатанная книга пользовалась бóльшим авторитетом, чем большое число рукописей с различными разночтениями.

Спор коснулся особенно слов «и огнем», которые были связаны с видимым и выразительным действием: во время освящения воды служащий священник опускал в сосуд горящие свечи. Этому обряду приписывали символическое значение; его связывали с текстом Священного Писания – Лк. 3: 16: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». Исключить эту формулу означало исключить также и почитаемый обычай. Исключить же ее хотели потому, что эта формула не встречалась в древних греческих книгах! В 1618 году имел место конфликт

---

⁸⁷ Служебник. М., 1602. Л. 234 об. – Прим. ред.

между требованиями разума и традицией, между точкой зрения, с одной стороны, передовых людей того времени, которые стремились вернуть церковь к одному определенному истоку, который считался чистым, а именно к Греции, и, с другой стороны, между общим чувством верующих, которые считали, что русская церковь, наоборот, имела право развиваться, обогащаться и изменять свои книги применительно к условиям своей жизни. Это последнее было чувством большинства, и оно победило: Дионисий и его соратники были осуждены, по-видимому, единогласно; и царь утвердил приговор⁸⁸. Особенно жестоко поступили с архимандритом. Он был приговорен к покаянию, заключающемуся в тысяче поклонов в день, его мучили голодом, жаждой, окуривали, подставляли его и его учеников под удары и оскорбления озверелой толпы. По-видимому, булочники и пирожники особенно обозлились на новых еретиков, которые говорили «долой огонь». Даже в отношении Дионисия, известного и почитаемого человека, народ стал на сторону Собора и древней практики.

Помог ревнителям чистоты Иерусалимский патриарх Феофан. Приехав в Москву в апреле 1619 года по делам своей церкви он заинтересовался своими братьями учеными-богословами и добился смягчения их участи и пересмотра их дела.

Вопрос об огне продолжал, однако, и далее волновать образованных людей Москвы. Подьячий Антоний Подольский, который хвастался тем, что лучше всех на Руси знал грамматику и диалектику, уже к тому времени составил длинный трактат «О просветительном огне», в котором он упрекал справщиков за то, что они отрицали «благодать Святого Духа, низшедшую на апостолов в огненных языках»⁸⁹. Наседка ответил ему трактатом из тридцати пяти глав, обвиняя его в ряде последовательных тезисов в том, что он изобрел новое крещение огнем, что он «оплевал древние греческие и русские рукописи» с тем, чтобы верить лишь печатной книге, что он возвел огонь в четвертое лицо Троицы, что он выдумал «просветительный огонь», о котором никто никогда не слышал, что он из гордости захотел изведать неисповедимые тайны, что он приписал материальному началу свойство освящать воды и тому подобные ереси. Арсений Глухой написал в порядке самозащиты послание протоиерею Ивану Лукьяновичу и речь к Салтыкову: он сваливал всю ответственность за это на своих собратий – архимандрита и «вероломную лисицу» Наседку. Дионисий со своей стороны составил весьма достойную речь, сугубо оправдательную, с приведением текстов из Священного Писания и святых отцов, на которые ссылались его противники; речь его заканчивалась следующими положениями: мы должны опасаться 1) отделения от святых отцов; 2) сближения в чем бы то ни было с латинянами; 3) утверждать что-либо о прикасаемости и познаваемости Святого Духа.

Вот в чем в таком случае состояла ересь латинян: если вода освящается Святым Духом как таковым, а равно и Святым Духом Огнем, то, значит, имеется два Святых Духа, из которых первый исходит от Отца, а Второй от Сына.

Когда в конце июня отец царя, Филарет, митрополит Ростовский, находившийся до тех пор в плену у поляков, прибыл, чтобы занять пост патриарха, который для него берегли в течение семи лет, дело справщиков приняло уже неотложный характер. 2 июля был созван новый собор. В течение более чем восьми часов задавали вопросы одному только Дионисию. Он был, также как и его сподвижники, полностью оправдан и торжественно восстановлен в должности архимандрита. Однако Филарет не спешил принять исправления: в новом издании Требника, изданного в 1623 году, слова «и огнем» были сохранены с упоминанием на полях «впредь до решения собора». И только после того, как патриархи Александрийский и Иерусалимский прислали свое письменное свидетельство о том, что этих слов ни в одной греческой книге не было, со своим мнением по данному вопросу, а также прислали удостоверенный ими текст

---

⁸⁸ Решение Собора 1618 года было напечатано И. Сахаровым в «Северной пчеле». 1842. № 198. С. 791–792.

⁸⁹ А. А. Покровский опубликовал об Антонии Подольском некоторые данные, которые исправляют или уточняют то, что ранее считалось известным о нем (*Покровский А. А. К биографии Антония Подольского // ЧОИДР. 1912. II. Смесь. С. 33–38*).

молитв на освящение воды, 9 декабря 1625 года Филарет предписал изъять повсеместно Служебники, дабы ликвидировать в них осужденное место. Но он ничего не изменил в обряде погружения свечей. Что касается священнической молитвы об отпущении самому себе грехов перед началом службы, то она сохранилась во всех Служебниках вплоть до 1652 года⁹⁰. Таким образом отдали должное людям, у которых были правильные намерения и которые незаслуженно претерпели страдания, но патриарх Филарет вместе с тем понял, что самым главным в то время было нечто другое, а не исправление книг.

II

Филарет отвергает латинство, подавляет свободомыслие, опровергает протестантское учение, критикует «литовские» книги, но терпит влияние протестантов

Филарет не был ученым; он был боярином, которого сделали церковным деятелем помимо его воли. Он был не очень заинтересован в перестановке запятых или в выявлении той или другой ереси, что многие вычитывали в плохо составленных фразах; перед ним стояло иное, были вместе со всей массой верующих две общие задачи: защитить православие от внешних нападков и восстановить порядок в церкви.

Выстрадав в Польше восемь долгих лет, Филарет вынес из плена острую ненависть к католичеству и глубокое недоверие ко всему тому, что могло бы перенестись в Москву из области латинства. Благодаря ему чувство озлобления, порожденное или оживленное эпохой Смутного времени, перерождается уже в определенные действия, которые потом становится трудно ввести в определенные берега без острого столкновения с общественным мнением.

Раньше для католиков, желающих принять православие, существовало правило: они должны были быть миропомазаны. В начале XVII века, из-за ненависти жителей России ко всему польскому, они вынуждены были, подобно язычникам и мусульманам и вопреки всем церковным канонам, заново креститься. Однако в 1620 году митрополит Иона разрешил присоединить к православной церкви двух поляков без нового крещения. Филарет упрекнул его за то, что он это сделал в отношении людей, «сущих, аки псов, и ведомых врагов Божиих». Иона напрасно ссылался на 95-е правило 6-го Вселенского собора и на Ответы Нифонта Кириаку⁹¹ – основные руководящие правила церковного устава: невзирая на это, он был запрещен как еретик и 16 октября предстал перед Собором, который и ввел новый порядок крещения латинян. Было указано, что латиняне заимствовали все свои ереси у евреев, монтанистов, манихеев, евномиан, ариан, василиан. К этому они прибавили и ряд своих собственных ересей, как, например, учение о чистилище и новый календарь. Были приведены также 26 пунктов, перечисленные в трактате «О фрязех и прочих латинах»⁹². В результате католиков объявили злейшими и свирепейшими из всех еретиков, существовавших в поднебесной; их крещение было признано не таинством, а осквернением. «Деяния» Собора, составленные в таких выражениях, утвержденные потом Ионой (раскаившимся 4 декабря 1620 года) и позднее частично вставленные в Третьяк 1639 года, действовали вплоть до 1667 года⁹³.

---

⁹⁰ В своей монографии о Дионисии Зобнинском (с. 175–339) Д. Скворцов исчерпывающим образом анализирует вопрос об исправлении богослужебных книг в 1616–1619 годах. За неимением этой работы, можно пользоваться другими: *Казанский П.* Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете // ЧОИДР. 1848. № 8. С. 1–26; Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете // Православный собеседник. 1862. № 2, 3; *Соловьев.* История России. Т. IX. Гл. V; *Николаевский.* Московский Печатный двор // Христианское чтение. 1890. II. С. 434–457.

⁹¹ РИБ. VI. Стб. 26.

⁹² Текст византийского происхождения XI–XII века, введенный в славянские канонические сборники (напечатан А. Поповым: *Попов А.* Историко-литературный обзор. С. 58–69).

⁹³ *Макарий.* История русской церкви. XI. С. 23–30; *Голубцов.* Прения о вере. С. 18–24; *Харламович.* Малороссийское

Даже у православных, подданных Польско-Литовского государства, Филарет заметил ужаснейшие непорядки: в одной и той же семье один придерживается православной христианской веры, другой католической, третий лютеранской, другие – кальвинисты, анабаптисты, ариане и все они вместе едят и пьют за одним столом, соединяются браком, а некоторые из них даже молятся вместе... Многие из них во время службы в ектениях молятся за папу и называют себя униатами. Такова была та картина, которую патриарх нарисовал перед новым собором, собравшимся 16 декабря 1620 года для того, чтобы доказать необходимость принятия особых мер по отношению к так называемым православным белорусам. Было решено опросить их об их вероисповедании и крещении и крестить заново тех, которых не крестили троекратным погружением в купели согласно преданию апостолов, заставить отречься от латинской ереси тех, которых крестил униатский священник, а всех остальных заставить после недельного поста подтвердить свою правую веру во время исповеди⁹⁴.

Чтобы уничтожить всякое подозрение относительно влияния латинян, было упразднено положение Требников 1602 и 1616 годов, согласно которому разрешалось, в случае болезни, погружать ребенка в купель до шеи и затем правой рукой обливать его голову водой три раза. Те, которые получили такое ложное крещение, должны были снова быть крещены полным погружением в купель⁹⁵.

Но безбожие Запада угрожало православию и со многих других сторон. Страны, граничившие с Московским государством, переходя от XVI к XVII веку, являлись поистине центром всех ересей: к лютеранству добавился кальвинизм, затем появились «моравские братья», потом «польские братья», и на этой истерзанной почве зародились учения, уводящие от должного поклонения святыне, и даже учения, доходящие до чистого деизма. Одни отвергали иконы и посты, другие Святое Причастие, третьи Божественность Христа, первородный грех и крещение. Социн и его ученики презирали Ветхий Завет и считали Христа лишь человеком необыкновенной мудрости, правда, достойным определенного поклонения. Будный, не отвергая полностью откровения, отвергал Новый Завет. Иоанн Зоммер доходил до отрицания бессмертия души⁹⁶. Все были охвачены прозелитизмом и обращали свои взоры на Восток. Еще в 1562 году в Несвиже Симон Будный опубликовал свой Катехизис «для простых людей языка русского». Далее возникает уже целая типография, созданная в 1625 году в Стокгольме Густавом-Адольфом, который издает на русском языке краткий лютеранский катехизис с молитвами (1628)⁹⁷. Социниане были не менее активны: был снова найден русский перевод Нового Завета, сделанный в 1581 году в Хорошеве на Волыни, составленный всецело в их духе, согласно польскому

влияние. С. 21–22.

⁹⁴ Макарий. История русской церкви. XI. С. 30–33. Вот еще подтверждение нежелания Филарета изменять церковные книги: решения собора 4 и 16 декабря 1620 года не были внесены в первое издание Требника 1623 года, а только в издание 1639 года.

⁹⁵ Макарий. История русской церкви. XI. С. 46. Согласно самым древним русским установлениям, крещение, как правило, должно было осуществляться кроплением; однако многие митрополиты, а также Стоглавый собор осудили это. См. соответствующие тексты у А. А. Дмитриевского (*Дмитриевский*. Богослужение. С. 289–293). Интересно, что в эту же самую эпоху на Западе многие задавали себе вопрос – христиане ли москвитяне и не нужно ли крестить их заново? 31 марта 1620 г. лютеранин Иоганн Ботвид, доктор теологии и проповедник короля Швеции, защитил в Упсале пятьдесят тезисов на тему: «Являются ли московиты христианами или нет?». Проанализировав должным образом генезис христианства на Руси, богослужебные книги, исповедания веры, церковное управление и богослужение русских времен патриарха Иова (1525–1607), он ответил на вопрос утвердительно. Эти тезисы были напечатаны в 1705 году в Лейпциге. См. каталог Парижской национальной библиотеки, рубрика в картотеке «Ботвид». В течение всего XVIII века на эти тезисы часто ссылались. Католический мир, благодаря Поссевину, был лучше информирован (*Possevin*. *Missio Moscovitica*. Roma, 1584; *Moscovia*. Cologne, 1587); он никогда не сомневался в христианстве русских.

⁹⁶ По вопросу о пропаганде протестантизма и социнианства в Польше и Литве через печать и школу см.: *Martel A.* *La Langue polonaise dans les pays ruthènes*. Paris, 1938. P. 203–218.

⁹⁷ Каратаев. С. 397, 510–511. Краткий катехизис предназначался для обращения в лютеранство православных Карелии, переданных Швеции, но он также проник и в Московское государство.

варианту⁹⁸. Позднее у них в Радове создался свой «арианский Рим», синод, гимназия, в которой училась тысяча учащихся, типография, в то же время их польский Катехизис (1605), тщательно составленный богословом В. Шмальцем, не нуждался в переводе для того, чтобы его поняли русские молодые дворяне юго-западной Руси. Был такой момент, когда в лице Лжедмитрия Первого они на Руси надеялись иметь своего человека: последний имел в качестве воспитателя, а потом близкого советника Матвея Твердохлеба, который был одним из их проповедников. Новое арианство, очевидно, пустило в нем глубокие корни. 7 ноября 1605 года к нему в Москву направили, в глубокой тайне, целую миссию из ариан, которая оставалась в Москве в течение нескольких месяцев⁹⁹. Нам неизвестно, насколько эта миссия была успешна, но это был еще один удобный случай, по крайней мере для некоторых москвитян, познакомиться с новыми учениями.

Иностранцев-протестантов, обосновавшихся в Москве, было много. В столице они занимали целый квартал на юго-востоке, называвшийся Немецкой слободой. В 1601 году, с разрешения Бориса Годунова, они воздвигли там лютеранскую кирху¹⁰⁰. У них были там свои пасторы и свои школы. В 1610 году и слобода, и церковь были разграблены и сожжены. Но вскоре после того, как был восстановлен порядок, иностранные колонии образовались снова, на этот раз в самом центре Белого города: в переписи 1621 года там зарегистрировано жилище «немецкого попа» и его помощника. В 1624 году появился и английский пастор. В 1626 году церковь сгорела, но она была снова построена за городской чертой, а в Белом городе образовалась вторая община, на Покровке; она охватывала тех, кого называли новыми немцами, главным образом, военных, взятых на царскую службу царем Михаилом. В 1629 году проживающие в Москве англичане и голландцы приобретают свою церковь, также в Белом городе. Немного позднее путешественник Олеарий насчитает в Москве около тысячи лютеран и кальвинистов¹⁰¹. Среди этих иностранцев некоторые пользовались влиянием: то были придворные врачи, офицеры, толмачи в Посольском приказе, купцы, нередко выполнявшие официальные миссии. У многих из них была русская прислуга, которая понемногу отвыкала от православных обычаев.

Кроме того, во время войн многие москвитяне различных сословий сталкивались с неправославными, друзьями и недругами, в образе мышления и жизни которых было мало общего со старым русским благочестием. И в результате не один москвитянин попал под влияние этой проповеди свободы мышления и поведения. Самые выдающиеся умы того времени чувствовали почти неотразимое влечение к иноземной культуре. В 1602 и 1603 годах восемнадцать молодых людей были направлены Борисом Годуновым в Англию, Францию и в Любек; они поехали туда для изучения языков; однако с 1613 по 1622 год непрерывно предпринимались энергичные шаги для их возвращения на родину, но, несмотря на неоднократные требования царских послов и обещания о помиловании, ни один из них не возвратился. Иные из них быстро забывали и свою страну, и цель своей миссии, и свою религию¹⁰².

В то время даже в Москве имелась группа людей, которых больше не удовлетворяли ни обычаи, ни вера их предков. В их души вкрались сомнения и беспокойства эпохи. Ими ставились под сомнение установленные истины, они начали увлекаться богословскими дискуссиями, допускать большую свободу мысли. Они стыдились простоты своего языка, выдумывали по-ученому мудреные слова, без конца удлиняли малоосмысленные фразы, составляли рифмы, силлабические стихи в польском духе. С друзьями начинали уже переписываться в изысканном

⁹⁸ Киевская старина. 1882. Май. С. 200.

⁹⁹ *Пирлинг*. Исторические статьи. С. 148–154 (Русская старина. 1908. Апрель. С. 1–6).

¹⁰⁰ См.: *Цветаев*. Протестантство. С. 47–50 и примечания. Тут же имеется рассмотрение соответствующих источников.

¹⁰¹ Там же. С. 51–68 и прим. 1 на с. 68–73, 246–250.

¹⁰² *Голицын*. С. 3–18.

стиле, состязаясь в вежливости, расточая разные похвалы и уснащая речь эпитетами. В то же самое время возникает и свободное отношение к прежним православным устоям: Москва приобретает своих вольнодумцев и распутников.

Князь Семен Шаховской, в молодости военный, держался довольно неустойчивых политических убеждений: он служит царю Василию Шуйскому, потом переходит на сторону тушинцев, затем к шведам, после этого к Сигизмунду и, наконец, присоединяется к царю Михаилу, получая от всех этих правителей почести или владения.

Из этой жизни, полной приключений, он выносит знание латинских виршей, вкус к спорам, страсть к перу и антипатию к сдерживающим началам старины. Вопреки церковным уставам, в 1619 году он уже в четвертый раз сочетается браком. Тем не менее он выступает против Хворостинина, своего двоюродного брата, скептика в отношении 6-го Вселенского собора, осудившего монофелитов. Он составляет историю убийства царевича Димитрия, пишет письмо шаху Аббасу, убеждая его принять крещение, далее сочиняет речь о московском пожаре 1626 года, службу в честь святой Софии, службу московским и всея Руси святителям, пишет послания своим друзьям, даже автобиографию. В течение всей своей долгой жизни он писал и спорил и был вынужден постоянно страдать из-за своей неосторожности, отсутствия конформизма, отхода от общепринятых мнений¹⁰³.

Шаховской всегда считал себя православным в полном смысле слова. Но не таков был князь Хворостинин, который выступал против него скорее с оскорблениями, чем с аргументами, защищая слишком смелые убеждения. Этот надменный и темпераментный молодой человек, очутившийся в восемнадцать лет при блестящем и развращенном дворе Лжедмитрия Первого, не смог устоять перед соблазном. Пошатнувшись в своей вере, он высмеивал православие и презрительно относился к соблюдению постов и христианских обычаев. Отправленный впоследствии на покаяние в Иосифо-Волоколамский монастырь, он старался – неизвестно, искренне или нет – показать себя приверженцем старых нравов; он храбро и усердно, как верноподданный, участвовал в войне с поляками. Но когда-то пробудившиеся в его сознании сомнения никогда его не покидали; у него были латинские книги; в частных беседах он позволял себе критиковать Соборы, он уверял, что «нечего молиться, что не будет воскресения мертвых», он отрицал необходимость поста и почитание святых. Он даже не разрешал своим слугам ходить в церковь. Сам он провел Страстную неделю 1622 года в попойках и кутежах; в Пасхальную ночь он все еще пил и не явился ни к заутрене, ни к обедне. Жизнь в Москве казалась ему пошлой и неинтересной: «Люди глупы, не с кем слова сказать – на полях у них много ржи, а живут они во лжи!» – добавлял он в рифму, так как, по примеру польских литераторов, любил рифмованные стихи. Он презирал своих соотечественников и почти уже продал свои имения, чтобы бежать в Литву с дипломатической миссией, как вдруг один из его крепостных донес на него. На сей раз его сослали на Север, в Кирилло-Белозерский монастырь, где его заставили соблюдать все правила. Выпустили его оттуда только после того, как он дал подписку, что отрекается от своих заблуждений. У нас осталось от него, кроме достопримечательной хроники Смутного времени, много богословских статей, из которых можно отметить трактат против еретиков¹⁰⁴, написанный и в стихах, и в прозе.

После знатных вельмож мы перейдем к более мелким дворянам; упомянем об Андрее Палицыне, двоюродном брате благочестивого келаря Троицкого монастыря. Он, в свою очередь, тоже во время Смуты служил и изменял многим господам; это продолжалось вплоть

¹⁰³ Корсаков Д. Шаховской Семен Иванович // РБС. СПб., 1905. Т.: Чаадаев – Швитков. С. 586–589; Платонов. Древнерусские сказания. С. 231–246.

¹⁰⁴ Работы о Хворостинине были опубликованы В. И. Саввой в «Летописях занятий Археографической комиссии» (1905. XVIII. С. 1–106). Все данные о нем собраны С. Ф. Платоновым: Платонов. Древнерусские сказания. С. 182–203; Платонов. Москва и Запад. С. 69–78. Портрет, который дает В. О. Ключевский (*Ключевский*. Курс. III. С. 305–307), неточен, так как, по видимому, Хворостинин находился больше под влиянием социниан, чем католиков.

до того, как царь Михаил назначил его в 1629 году воеводой Мангазеи, очень важного в то время центра в Сибири. В этой отдаленной местности, соприкасаясь с ссыльными черкесами и поляками, он сбросил с себя всякую маску приличий: он курил – большой позор в то время! – и заставлял курить других; у него не было духовника, он сам кадил свои иконы, приобщался святых таин не постившись. Не лишенный изобретательности и литературского таланта, нахватившись западных наук, умея разговаривать по-польски, интересуясь географией, он вместе с тем занимался колдовством, верил колдунам, систематически напивался и без стыда предавался противоестественным порокам. Такое поведение он сочетал и с соответствующим «богословием»: Иисус Христос окончательно освободил человечество от греха; с момента Воскресения в аду никого больше не осталось; еретикам и святотатцам не угрожают никакие муки; духовенство вовсе не является необходимым посредником между Богом и людьми¹⁰⁵.

В Иван-городе богатый русский купец Филипп «не придает никакого значения иконам и считает постом лишь полный отказ даже от хлеба и воды, что, конечно, позволяет ему вовсе не соблюдать пост»¹⁰⁶.

Несколько таких характерных примеров показывают, какое влияние оказало на москвитян различных кругов неожиданное открытие, что на Западе господствует не одно католичество, а также и протестантство или социнианство¹⁰⁷. Об этой опасности было донесено патриарху. Среди иноверцев, говорилось в послании, корыстно перешедших в нашу православную веру, имеются такие, которые потом, подобно псам, возвращаются к своей блевотине; среди наших единоверцев и соотечественников имеются такие, которые от нашей веры перешли к лютерству и кальвинскому учению и, без малейшего стыда перед Христом Богом, едят мясо во время поста, не крестясь смотрят в наших домах на иконы и даже проклинают их¹⁰⁸.

При всяком проявлении ереси Филарет подавлял ее. Но, в то время как он систематически преследовал влияние католиков вплоть до их религиозных истоков¹⁰⁹, он никогда не принимал радикальных мер против влияния протестантов. Проведение антипольской политики вынуждало Россию увеличить уступки Швеции; под эту категорию подходили: создание торговых предприятий в Пскове, возникших там, несмотря на увещания архиепископа, которого в дальнейшем отстранили; открытие Шведской миссии в Москве и открытие шведской церкви в Москве. Дошло даже до того, что Швеции выдавали карельских крестьян, которые уехали со шведских земель, дабы спасти для себя свою православную веру¹¹⁰. Позже целые полки и военные инструкторы набирались в Швеции и в Северной Германии. Для того, чтобы побороть протестантскую ересь, казалось достаточным использовать старые сочинения, направленные против иконоборцев. Когда-то Максим Грек написал об этом трактат¹¹¹, «Книгу о единой

¹⁰⁵ Характер Авраамия Палицына выявлен и очень ярко описан С. В. Бахрушиным: Вера. Пг., 1924. I. С. 79–110.

¹⁰⁶ Филипп в январе 1634 года поделился своими мыслями об этом с Олеарием, но, очевидно, они уже были у него давно (Олеарий. I. III. P. 253).

¹⁰⁷ Именно к этой эпохе следует, по-видимому, отнести статью Ивана Бегичева, опубликованную А. И. Яцимирским (ЧОИДР. 1898. II. С. X–13). Автор, мирянин, выступает против другого мирянина по поводу символического значения слов Бога Моисею (Исх. 33, 23): «И когда сниму руку Мою, ты увидишь задняя Моя, а лице Мое не будет видимо» (этот богословский спор начался между ними на охоте). Он также не верит в то, что Господь действительно показывается Аврааму. Напротив, старый монах Филарет, проведший 50 лет в Троицком монастыре и прослуживший 40 лет епископом, утверждал, что у Господа «человеческое лицо и тело»; он также утверждал, что Христос не родился от Отца прежде всех век, а лишь в момент Благовещения (Скворцов. Дионисий Зобнинский. С. 384); мы наблюдаем тут полный разброд в богословском мышлении.

¹⁰⁸ ЛЗАК за 1905 г. СПб, 1907. Вып. 18. С. 119.

¹⁰⁹ В 1631 г. полковник Лесли был направлен за границу для набора солдат всех национальностей, за исключением французов и «других романской веры» (СГГД. III. № 83. С. 317). В 1632 году, когда Иосифа, протосинкелла патриарха Александрийского, задержали в Москве, это было в основном ради перевода с греческого на славянский писаний против ереси латинян (Сторожев // Киевская старина. Киев, 1889. Т. XXVII. С. 334). В 1632 г. по договору, заключенному с Голштинской компанией, запрещалось под страхом смерти способствовать выезду на Русь лиц латинского вероисповедания (АИ. III. С. 332. № 181).

¹¹⁰ Цветаев. Протестантство. С. 595.

¹¹¹ Там же. С. 524–538.

истинной православной вере», напечатанную в 1588 году в Остроге, которая была направлена преимущественно против латинян, но в ее последней части опровергались и точки зрения лютеран, кальвинистов и ариан в отношении церкви, икон и святых мощей¹¹²; наконец, в 1602 году в Вильно появился трактат из двенадцати глав «О образах, кресте, почитании святых, о посте, исповеди и святом причастии, а также и о молитве за усопших». Помимо Ария и Юлиана Отступника там были указаны по именам Виклиф, Гус, Лютер, Кальвин, Сервет, Бландрата, Лелий Социн, Франсуа Давиди, Будный и Чехович¹¹³. Этим двум работам, хорошо составленным и опирающимся на Священное Писание и святых отцов, суждено было иметь необыкновенный успех в Московском государстве.

Трактат «Об образах» был, несомненно, использован автором работы «На иконоборцы и на вся злая ереси»¹¹⁴. Он был переведен с югозападно-русского языка на московский язык неким священником Стефаном из Новгорода и использован Иваном Наседкой, бывшим сотрудником архимандрита Дионисия. Этот эрудированный священник, а также энергичный и плодовитый писатель очень скоро вышел из немилости и был выделен патриархом Филаретом, вслед за чем призван в Кремль в качестве члена клира Благовещенского собора. К концу 1621 года его приставили к миссии, направлявшейся в Данию от имени царя просить руки племянницы короля Христиана IV. Четырехмесячное пребывание в протестантской стране дало ему возможность сделать много очень любопытных наблюдений над их отношением к лютеранской религии, над их церковными установлениями, поведением в церкви, над семейной и общественной жизнью. Возможно, именно там он достал «Катехизис» Будного, изучил его и исписал его поля критическими замечаниями. Вооружившись таким образом, к двенадцати главам старого трактата «Об образах» он добавил тридцать пять глав; одни были, по крайней мере частично, заимствованы из уже существующих текстов: его собственного трактата из тридцати пяти глав против Антония Подольского, «Книги о вере» 1588 года, постановления Собора 1620 года; другие были его собственного сочинения. Вероятно, в 1623 году им было закончено и новое полемическое сочинение «Изложение известно от Божественных Писаний Старого Закона и Новыя Благодати на окаянные и злоименные люторы». Здесь Наседка использовал свои огромные знания греческих писателей, литературы, появившейся в Московском государстве (в том числе и «Просветителя» Иосифа Волоцкого и славянского перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия), а также большое количество русских изданий, появившихся на Западе. Не удовлетворяясь защитой православия, он напал на протестантов, которые не уважают свои собственные церкви, на их священников, которые женятся по два и три раза и продолжают после этого служить. Сам Лютер был гордец, исправлял творения древних святых, как будто бы в течение тысячи пяти сот лет все они были либо слепы, либо безумны¹¹⁵.

¹¹² Перепечатано в: РИБ. VII. Стб. 600–938. // Речь идет о «Книжице в шести отделах» Василия Сурожского-Малюшинского (Острог, 1588). В разделе «О исхождении Святого Духа» автор опирался на «Слово на латинов» Максима Грека. – *Прим. ред.* // Имеется в виду книга «О образах, о кресте, о хвале Божией и хвале и молитве святых и о иных артыкулах веры единое правдивое Церкви Христовы», опубликованная в Вильно в типографии виленского Троицкого братства в 1596 г. Подробнее см.: *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск. 1998. С. 79–82. – *Прим. ред.*

¹¹³ *Цветаев.* Протестантство. С. 604–611.

¹¹⁴ Опубликован С. Ф. Платоновым (*Савва В. И., Платонов С. Ф., Дружинин В. Г.* Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков // ЛЗАК за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 18. С. 109–177). Платонов приписывает его князю Ивану Катыреву-Ростовскому, оставившему воспоминания о Смутном времени, связанные с его личной жизнью. Автор неоднократно упоминает, с целью опровержения, об одном труде иконоборцев, он называет его «их оправданием», или «их вероучением»: если бы шла речь о кратком лютеранском катехизисе, опубликованном на русском языке в 1628 г., то можно было бы датировать эту работу (посвященную Филарету, скончавшемуся в 1633 г.) периодом 1628–1633 гг. [В настоящее время атрибуция С. Ф. Платонова считается недостаточно основательной и сочинение относят к творчеству И. А. Хворостина. См.: *Буланин Д. М., Семенова Е. П.* Хворостинин Иван Андреевич // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 193–194. – *Прим. ред.*]

¹¹⁵ Глава III книги А. П. Голубцова (*Голубцов.* Прения о вере. С. 76–126) представляет собой настоящую монографию об «Изложении на люторы» Наседки. См. также: *Цветаев.* Протестантство. С. 616–628, где имеется разбор этого произведения.

«Изложение на люторы» имело огромный успех. До нас дошли пятнадцать списков книги, появившихся в XVII веке¹¹⁶; эта работа послужила основой для известной «Кирилловой книги». Наседка, несомненно в награду за эту «умную и полезную книгу», как называл ее рецензент Савва, был назначен ключарем Успенского собора, иными словами, он был сделан помощником настоятеля первой церкви столицы¹¹⁷. Вскоре снова прибегли к его способностям.

Если религиозные москвитяне питали подозрения в отношении православия русских, подчиненных Польше, то они, тем не менее, не могли противостоять всему блеску литературного и научного расцвета братств Запада и Юга. Первые, проводя борьбу с униатами, воссоздали православное богословие, открыли школы, организовали типографии, опубликовали более или менее оригинальные труды. Во всем этом, конечно, можно было угадать влияние латинян, но в эпоху, когда лишь слишком заметно было, чего не хватало великорусской Церкви, нельзя было не преклониться перед таким превосходством. Поэтому охотно принимали ученых мужей Запада, а также и их книги. Их принимали, не подвергая особой критике.

В 1623 и 1624 годах большое впечатление произвели появившиеся в эти годы «Беседы святого Иоанна Златоуста на Послания святого апостола Павла и Деяния Апостолов»¹¹⁸ – два огромных тома, переведенных и напечатанных благодаря трудам Киево-Печерской лавры. В следующем году в Москве приняли с уважением их главного редактора – Памву Беринду. В июне 1625 года в Москву прибыл его сотрудник, протоиерей Зизаний, привезший с собой «Толковый Апокалипсис». Он написал на своем родном языке «Катехизис», и этот большой труд в 395 листов был встречен восторженно; он был переведен на русский язык меньше чем за месяц. Некоторые выражения в этой книге были, однако, вымараны. Автор, очевидно, протестовал, так как были организованы особые беседы между ним и московскими богословами. Последние обнаружили в «Катехизисе» новые ошибки и ереси латинян, причем в таком большом количестве и настолько значительные, что «Катехизис» не был допущен к обращению. Но он, тем не менее, продолжал распространяться в широких кругах, так как в настоящее время известно около ста его рукописных экземпляров¹¹⁹. Это было первое в Москве систематическое изложение московской православной веры. Он удовлетворял насущным нуждам того времени.

Бывший учитель школы братств во Львове и Вильно, Кирилл Транквиллион Ставровецкий, составил «Учительное Евангелие», напечатанное в Рахманове в 1619 году. То был сборник проповедей для воскресных дней и праздников, из которого можно было почерпнуть еще и материал для чтения дома. Эта книга, написанная в новом для того времени стиле, была только что осуждена епископами Западной Руси, а автор только что перешел в униатство. В этот момент в Москву прибыло большое количество экземпляров этой книги. Ее представили на обсуждение сведущим людям, среди которых был также и Наседка. Последние насчитали в книге около ста проявлений ереси, и 1 декабря 1627 года царь и патриарх издали приказ о повсеместном изъятии и сожжении всех книг Транквиллиона. С тех пор началось преследование так называемых «литовских книг»: многочисленными указами запрещалось ввозить эти книги, покупать их, держать у себя дома и хранить их в церквях, кроме тех случаев, когда они были абсолютно необходимы для богослужения. И все же «Учительное Евангелие» не пере-

¹¹⁶ Голубцов. Прения о вере. С. 110, прим. 71. [К настоящему времени выявлено 23 списка. См.: *Опарина Т. А.* Иван Наседка... С. 75, 305–306. – *Прим. ред.*]

¹¹⁷ Дата этого назначения, не известная точно, но восстановленная Голубцовым как 1626 год (*Голубцов. Прения о вере. С. 89–90*), относится на самом деле к более раннему времени, потому что 20 мая 1625 г. Наседка подписывает акт об одном вкладе в Успенский собор (ГИМ. Синодальное собрание свитков. № 1829).

¹¹⁸ Имеются в виду издания: Иоанн Златоуст, свт. Беседы на 14 Посланий св. апостола Павла. Киев, 1623; Он же. Беседы на Деяния св. апостол. Киев. 1624. – *Прим. ред.*

¹¹⁹ *Харламович. Малороссийское влияние. С. 103–108.* Протоколы беседы от 18 и 19 февраля 1627 года напечатаны Н. С. Тихонравовым: *Летописи русской литературы. 1859. Т. II. Кн. 3. Отд. II. С. 80–100*, затем они воспроизведены Обществом любителей древней письменности. 1878. Вып. XVII.

ставали переписывать и распространять: в отдаленной Вологде в июле 1625 года архиепископ Маркел донес на целую группу почитателей еретика Кирилла. Эти «литовские» книги продолжали проникать в Московское государство различными нелегальными путями; вслед за чем, через некоторое время, их официально перепечатавали¹²⁰.

С одной стороны, защищали православие от всех внешних опасностей: от протестантов и рационалистов; теперь же имелось исчерпывающее опровержение, отвечавшее почти всем потребностям, с солидными доводами, притом очень убедительно написанное; ненавистному католичествому доступ на русскую землю был окончательно закрыт. С другой стороны, интересы политики требовали широкого представительства и свободного обращения протестантизма на всей территории несмотря на полицейские меры, в силу потребности в образовании, неизбежно через иностранные книги просачивались и различные католические учения.

III

Филарет – правитель Руси; аппарат управления и финансовая служба патриархии

После обеспечения защиты против внешней опасности патриарх Филарет очень ясно представлял себе вторую задачу эпохи: восстановление порядка в Церкви. Для него это была, прежде всего, задача организации церковного управления.

Сверху согласие между церковью и государством было обеспечено счастливым стечением обстоятельств и оригинальным двоедержавием, состоявшим из рассудительного и авторитетного иерарха и монарха, его родного сына, мягкого и покладистого. С общего согласия, например, они возобновляют запрет завещать монастырям земельные владения¹²¹. В отношении провинции, однако, определенно поднимался вопрос о разделении власти: в 1621 году воеводы и гражданские власти в Рязани предупреждаются о том, что они не должны вмешиваться в дела духовенства, не судить дела, подлежащие юрисдикции архиепископа. Такой же приказ повторился и в 1628 году; подобные же указы, по всей вероятности, были изданы и в других воеводствах¹²².

Филарет занимается, главным образом, организацией епархиального управления. Он задумал его по типу приказов, или министерств, царя. Как у царя имелись собственные владения, так и у него была своя патриаршая вотчина. Она была необыкновенных размеров, охватывая более сорока городов и простираясь от Мезени на Ледовитом океане до Путивля на границе Украины, от Брянска на западе до Вятки на востоке. Она включала города первостепенного значения, такие как Владимир, Кострома, Нижний Новгород. Позже, в XIX веке, патриаршая область была разделена на шестнадцать епархий. В мае 1625 года патриарх заставил царя особой грамотой закрепить свою юридическую власть над церквями, монастырями и церковными владениями этой огромной территории с правом судить проживавшее там население по всем делам, за исключением уголовных, и собирать все подати и оброки, какие ему будут угодны¹²³.

Для осуществления своей власти, которая представляла собой почти суверенное владычество, у Филарета было три своих патриарших «приказа». Один, называемый Дворцовым,

---

¹²⁰ Харламович. Малороссийское влияние. С. 108–113. // Подробнее см.: Бульчев А. А. История одной политической компании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004. С. 12–48. – Прим. ред.

¹²¹ Сборник Муханова. С. 208, стб. 2. № 140.

¹²² РИБ. II. Стб. 411. № 131. // Имеется в виду, что в XIX в. города бывшей патриаршей области находились в 16 губерниях, или епархиях. Подробнее см.: Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 309. – Прим. ред.

¹²³ СГГД. III. № 71.

был создан для управления недвижимым имуществом и населением, в том числе и домом патриарха. Другой, называемый Казенным, был организован для собирания различных податей, накладываемых на духовенство и мирян, и с этой целью вел учет приходов, дворов и земель. Этот приказ, или разряд, ассигновал нужные средства на расходы и занимался общим финансовым учетом. Третий, и наиболее важный приказ назывался Судным приказом (или, чаще, Судным разрядом) и занимался чисто церковными делами, наблюдая за дисциплиной, и судил во всех случаях как белое, так и черное духовенство; мирян же судил в исключительных случаях. Через головы епископов он фактически распространял свою компетенцию над всей русской церковью. Начальниками этих трех министерств были миряне: то были два боярина в Судном и Казенном приказах и дворецкий в Дворцовом; лишь казначей обычно являлся монахом. Дьяки и подьячие занимались письменной работой, а десятники и боярские сыны направлялись на места для сбора податей, также как и для выполнения специальных поручений. Все они были миряне. Вся эта бюрократия была занята, главным образом, вопросами материального порядка, финансовыми или полицейскими¹²⁴.

Филарет узаконивает и определяет размер податей. Каждый двор священника, дьякона, пономаря или просфирни вносит определенную сумму в патриаршую казну; то же самое производится в отношении земель, лугов, рыболовных тоней, пчельников, стоящих на церковной земле мельниц; опять то же самое в отношении дворов мирян, владельцев земли, будь то зажиточных или бедных, или даже вдов. Эту установленную дань все вносят обязательно, не считая особых сборов, вносимых при различных обстоятельствах «десятникам» и патриаршим дьякам. Статьи патриарших доходов были самые разнообразные: тут были и сборы за венчание и за запись новорожденных; было и особое обложение на грамоты, санкционирующие строительство новых церквей (столько-то на каждый престол), за разрешение служить священникам-вдовцам, за разрешение переходить на новый приход всем служащим церкви, начиная от священников и кончая просфирнями, и другие. Существовала точная тарифная сетка¹²⁵.

Некоторые из этих сборов взимаются на месте поповскими старостами или заказчиками (агентами), являвшимися во всей этой организации единственными избранными лицами из среды духовенства. Они должны были наблюдать за тем, чтобы без уплаты предусмотренного налога не благословлялись браки, не совершались погребения, ни даже перемещения пономарей или просфирен¹²⁶. Статьи прихода заносятся в списки особых книг с указанием имен, дат и суммы, доставленной в Москву, наряду с ежегодной определенной данью к Рождеству¹²⁷. Горе тому, чьи книги окажутся в беспорядке, или тому, у кого окажется недостаток по сравнению с предшествующими взносами, горе особенно тому, кто просто поскряжничает и утаит что-то в надежде, что это скроется через чаевые патриаршим писарям: он испробует тогда «правежа»; каждое утро, пока не будет полностью внесена требуемая сумма, его будут избивать на площади розгами.

В глазах патриарха и его чиновников, а также и городских властей, священник отнюдь не являлся посланцем Бога, облеченным сверхчеловеческими полномочиями: он был всего-навсего разновидностью мужика, которого можно было и сечь, и бить¹²⁸.

Таким образом, патриаршая область была снабжена сильным административным аппаратом, который в дальнейшем в основных чертах позаимствуют и другие. В качестве главы Церкви Филарет являлся для управления других епархий, правда, юридически не четко выра-

¹²⁴ Кантерев. Светские архиерейские чиновники. С. 201–230.

¹²⁵ Шимко. Патриарший казенный приказ. С. 127, 191–192; Покровский И. Казанский архиерейский дом. С. 198–203.

¹²⁶ РИБ. II. Стб. 942–943. № 204 (1637).

¹²⁷ ААЭ. III. № 258 (1628) (=ЧОИДР. 1866. III. Смесь. С. 11–12).

¹²⁸ Оларий. 1. III. P. 233

женным, но неоспоримым авторитетом. Если он, несмотря на решение собора 1589 года, мало интересуется созданием на Волге, например в Нижнем, новых епархий, что уменьшало сферу его непосредственного владычества, то он уже без колебаний отрезает от Вологодской епархии огромную территорию, с целью создания в 1620 году особой епархии для Сибири. Эта мера напрашивалась сама собой: на восток от Урала непрерывно возрастало количество поселенцев, включавших царских служащих, купцов, землепашцев и других, и все они жаловались на недостаток священников; правда, церкви строились, но в них нельзя было служить обедню из-за отсутствия освященных епископом антиминов. Первый архиепископ Тобольский, Киприан, был наделен чрезвычайными полномочиями для восстановления христианского порядка среди весьма диких, чисто колониальных нравов в этих областях¹²⁹. Его преемник, Макарий, даже получил в 1625 году особую привилегию – с ним по всем гражданским вопросам уголовного порядка должны были совещаться воеводы, в то время как из их компетенции были изъяты вопросы церковного характера¹³⁰.

Патриарх, занятый вопросами устройства духовенства и внешнего порядка, должен был интересоваться также и богослужением. Он реорганизует Печатный двор, перенесенный в 1620 году из Кремля в специальное здание; функции справщика были теперь отделены от функций печатника и считались особо почетными; исполнение этих функций доверено было таким ученым людям, как Антоний Крылов и Арсений Глухой¹³¹, в то время как богословы, подобные Илье, игумену Богоявленского монастыря, и Наседке, осуществляли общее руководство над этими изданиями. Важная задача этого периода заключалась в том, чтобы ликвидировать существующие расхождения между рукописями и печатными книгами и снабдить все приходы единообразными богослужебными текстами; этого думали добиться путем обращения к первоисточникам, то есть путем сопоставления древних славянских и даже греческих оригиналов с имеющимися книгами. Но что делать, когда в патриаршей библиотеке в 1631 г. было всего-навсего пять греческих рукописей плюс один Требник, напечатанный в Венеции? В результате единственными исправленными книгами оказались следующие: Требник (в 1624 и 1625 годах), Служебник (в 1627 году), Псалтырь (в 1627 году)¹³² и Устав (в 1632 и 1633 годах)¹³³. То были книги добросовестно, обдуманно и тщательно изданные, но цель была далеко еще не достигнута¹³⁴.

Поведение духовенства и верующих часто оставляло желать много лучшего. В феврале 1622 г. в послании архиепископу Киприану Филарет пространно жалуется на постыдные нравы сибиряков: они не соблюдают постов, они без стыда сожительствуют с некрещеными мусульманками, они женятся на близких родственницах, отдают за деньги своих жен; привозят женщин из России для продажи, а священники благословляют новые союзы; монахи и монахини сожительствуют с мирянами и ничем от них не отличаются, а сам архиепископ бездеятелен! Патриарх резко порицает его за это¹³⁵; однако спустя пять лет мы видим этого самого Киприана на втором по значению – митрополичьем – престоле Руси, именно в Новгороде. А каково его поведение здесь?

¹²⁹ Макарий. История русской церкви. XI. С. 35–40; Буцинский П. Н. Основание Тобольской епархии и ее первый архиепископ Киприан // Вера и разум. Харьков, 1890. № 21. С. 555–578; № 23. С. 639–672.

¹³⁰ Буцинский. Сибирские архиепископы. С. 7–9, прим.

¹³¹ Антоний Крылов в 1616 г. был одним из сотрудников Дионисия; он умер 21 декабря 1630 года. Арсений Глухой остался справщиком Печатного двора до 1640 г. (умер в 1643 г.).

¹³² В библиографии известно три московских издания Псалтыри 20-х гг. XVII в.: 1624, 1625 и 1629 гг. (см.: Зернова. С. 30, 33, 36. № 51, 59, 71. Возможно, автор имеет в виду издание Псалтыри с исследованием 1627 г. (Там же. С. 35, № 66). – Прим. ред.

¹³³ Два издания Устава вышли из печати в 1633 г. – 20 февраля и 30 сентября (См.: Зернова. С. 41–42. № 94, 100) – Прим. ред.

¹³⁴ Николаевский. Московский Печатный двор // Христианское чтение. 1890. II. С. 434–467

¹³⁵ СГД. III. № 60.

Он обременяет духовенство тяжелыми налогами – шесть рублей за посвящение в священники, три рубля – за посвящение в дьяконы – огромные суммы для того времени. Далее, он освобождает из тюрьмы и восстанавливает в правах настоятеля одного монастыря, заключенного за убийство двух дворян, использует для личной выгоды деньги и драгоценности архиепископской казны, конфискует и раздает своим родственникам владения купечества, по своей собственной прихоти вносит изменения в богослужение, разрешает разводы и повторные браки разведенных, разоряет своих и царских крестьян, заставляет избивать их кнутом без всякого основания, присваивает себе незаслуженные почести и титул государя, занимается совместно со Швецией контрабандой, избивает палками царских слуг, осмеивает послания Филарета¹³⁶. Все это не мешает ему господствовать в Новгороде с 1627 года до своей смерти, 17 декабря 1634 года¹³⁷.

Вот что происходило в его огромной епархии, которая простиралась вплоть до Белого моря: приходы в приморской Лапландии, а также в вотчине Соловецкого монастыря отказываются подчиняться посланцам митрополита; расстриженные монахи выходят замуж и рожают детей, так же, вне закона, рожают вдовы и девушки; среди мирян многие сожительствуют с женщинами вне брака, а другие, покинув свою первую супругу и детей, без благословения Церкви, содержат других женщин. И это продолжается в течение десяти лет и более, в то время как их жены сожительствуют с другими мужчинами и имеют от них детей. А священники этих областей служат без разрешения, не представляют и не посылают на подпись свои ставленные грамоты и держатся свободно в отношении браков¹³⁸.

Возможно, что обвинения, направленные против Киприана, и были преувеличены, и, конечно, всякого трудно было заставить уважать законы Церкви и предписания нравственности в отдаленных провинциях Крайнего Севера или во вновь завоеванных провинциях Сибири. Однако нельзя сказать ничего в защиту другого иерарха – Иосифа Курцевича. Этот бывший епископ Владимира Волынского, довольно позорно оставивший свой престол и в 1625 году прибывший в Москву, был в августе 1626 года назначен архиепископом Суздальским. Находясь там и действуя во главе своих слуг и приближенных, которые прибыли с ним вместе с Юга, он фактически тратил все время на разорение своей епархии, грабил местные кожевенные заводы, убивал и вешал купечество, насиловал девушек, а во время постов отчаянно кутил у себя дома со своими любовницами. Все это получило полную огласку, и в 1630 году о нем донесли царю. Но патриарх взял виновного под свою защиту¹³⁹.

Таким образом, отнюдь не создается впечатления, чтобы Филарет, который усердно поддерживал внешний порядок, прилагал бы сколь-нибудь значительные усилия для возрождения религиозного чувства и для настоящего исправления нравов.

После приезда патриарха Феофана в 1619 году единственным большим духовно значительным событием на Руси было обретение Ризы Господней, подаренной Руси шахом Аббасом. Оно было отмечено многими чудесами. Вскоре Риза Господня была торжественно установлена в Успенском соборе, что было сделано по особому указу от 26 марта 1625 года¹⁴⁰. Эти два события послужили особенным подтверждением представления об исключительной мировой миссии Руси.

Правда, патриарх жестоко наказывал за определенные аморальные проступки, которые могли повлечь за собой политические последствия: один дворянин из Брянска, который имел от своих крепостных семь незаконнорожденных детей, ссылается в Николо-Корельский мона-

¹³⁶ *Зерцалов*. Киприан. С. 1–28.

¹³⁷ РБС. СПб., 1897. Т.: Иб – Кл. С. 646; Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1908. Вып. 1. С. 71.

¹³⁸ РИБ. XXXVIII. Стб. 373.

¹³⁹ *Харламович*. Малороссийское влияние. С. 32–39. См. также его монографию: *Харламович*. Иосиф Курцевич.

¹⁴⁰ Сборник МГАМИД. 1893. Т. V. С. VIII.

стырь¹⁴¹; патриарший стольник Матвей Кольцов за такое же преступление – прелюбодеяние – заковывается в цепи и ссылается в другой монастырь¹⁴². Монахам, пьяницам и беглецам с Соловков, посылается особое предупреждение¹⁴³. Но это не те меры, которыми можно было бы повлиять на все население. Во всяком случае, при Филарете не замечается никакой тенденции к нравственной строгости. Царь присутствует на «медвежьей потехе»¹⁴⁴; у себя при дворе он держит цимбалистов. На его свадьбе, состоявшейся в 1626 году, присутствуют шуты, гусяры и музыканты, играющие на домре; и все это, несмотря на существующий запрет этого Церковью¹⁴⁵. Что касается достопримечательной реформы большого Покровского монастыря в Суздале в 1631 г., то она представляется изолированным явлением, причем не очень понятно, кто же являлся ее инициаторами¹⁴⁶.

IV

Религиозное движение в скитах и монастырях: «семинария» Троицкого монастыря

Движение за религиозное и нравственное обновление, начавшееся в разгар Смутного времени, продолжается вне стен различных канцелярий и сосредоточивается вокруг нескольких избранных людей.

С 1619 по 1633 год организуется еще около сорока скитов и монастырей¹⁴⁷. В 1620 году в Воломе возле Устюга начинает вести отшельнический образ жизни некий Симон: потом он был убит крестьянами-повстанцами, которые были недовольны его увещаниями¹⁴⁸. Боярин Михаил Салтыков в 1621 году организовал на Днепре в 10 верстах от Дорогобужа Бизюков монастырь, которому предстояло большое и исполненное треволнений будущее¹⁴⁹. Преосвященному Варлааму, архиепископу Вологодскому и Великопермскому, была адресована следующая челобитная «убогого» монаха Марка, постриженного в Ильинском монастыре: «Есть, государь, в Вологодском уезде, в Заднем селе Белавинское озеро и на том озере остров. Умилосердися, государь преосвященный Варлам, архиепископ вологодский и великопермский, пожалуй меня, нищеве царского богомолца и своево святительсково, благослови, государь, на том острову келейцу поставити и потерпети Бога ради. Государь, смилуйся, пожалуй». В июне 1630 года ему было прислано письмо с соответствующим благословением¹⁵⁰. Вскоре вокруг келии монаха Марка обосновались еще и другие монахи, которые хотели вести более уединен-

¹⁴¹ Постановление от 20 октября 1628 г.: «... в хлебе сковать в железа и (...) на братью сеяти мука и из печи выгребати пепел и всякую монастырскую черную работу работать, а кормить его (...) хлебом против одного брата, а еству (...) ему давати против одного брата выполы (...) а будет его постигнет смертная болезнь и смертный час (...) его при смерти (...) причастить (...) и того (...) беречь накрепко, чтоб с монастыря не ушел и дурна над собою никакого не учинил». (Архив П. М. Строева. II. № 368. Стб. 716–717 = ААЭ. III. С. 259–260. № 177).

¹⁴² Постановление от 22 июня 1633 года (Архив П. М. Строева. II. № 421. Стб. 837–838 = ААЭ. III. № 226). Кстати сказать, по указу от 3 ноября 1633 г. Кольцов был отозван в Москву сейчас же после смерти Филарета (Архив П. М. Строева. II. № 428. Стб. 853–854).

¹⁴³ Досифей. I. С. 276–277.

¹⁴⁴ Сворцов. Дионисий Зобниновский. С. 347–352, 359–366.

¹⁴⁵ Цветаев. Протестантство. С. 734–735.

¹⁴⁶ Монастырь был превращен в общежительный. Велено было печь хлеба в пекарне и варить щи и кашу и другие блюда на кухне с тем, чтобы все распределялось настоятельницей и монахинями по примеру других общежительных монастырей. Только три монахини в этом, очень аристократическом, монастыре выражают свой протест, желая, чтобы капусту делили на огороде по грядкам и чтобы каша, масло и все продукты распределяли по кельям. Царь сослал их в три разных монастыря (Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. II. С. 168–169. № 147).

¹⁴⁷ Америкосий. История российской иерархии. VI. С. 1129–1132.

¹⁴⁸ Ключевский. Древнерусские жития святых. С. 344–345.

¹⁴⁹ ЧОИДР. 1892. II. Смесь. С. 1–45.

¹⁵⁰ Суворов Н. Описание Спасо-Каменного монастыря. С. 31.

ный и постнический образ жизни, а равно и миряне, уставшие от мира и стремящиеся к духовному совершенствованию. Таким образом появилась новая Белавинская пустынь.

Но эти монастыри были не только для монахов. Иногда в них имелось больше мирян, так называемых складников. Это были либо простые крестьяне, либо другие люди низших сословий, которые за небольшую вносимую ими сумму денег или в обмен на взнос натурой могли пользоваться духовными и материальными преимуществами данной общины. Они обязаны были нести послушания и работать, но они имели право питаться от монастыря и жить там со своими семьями. Что это было такое, монастырь или рабочая артель? Трудно сказать. Иногда на месте имелся только один монах, единственный грамотный человек, единственный священник, а может быть, даже и не имеющий священного сана: если он почему-либо исчезал, то оставались только крестьяне. Во всяком случае, с религиозной жизнью сочетается интенсивная хозяйственная деятельность. Работают как и прежде, но отныне защищенные от взимания налогов и ростовщиков, и работают больше уже не на себя, а на святого – покровителя этого места. Нет особого аскетизма, – но с самого начала этой новой жизни молитва становится более горячей, а повседневная жизнь – освященной¹⁵¹. На Севере и Востоке этих отшельничеств появляется очень много: мы видим в каждом несколько изб, скромную деревянную церковь, тяжелым трудом, с помощью гари отвоеванные поля, а вокруг – темный лес, усеянный болотами, лес, который порой кормит их, а порой и губит.

То были благословенные обитатели для избранных душ, проводивших дни свои в труде, размышлениях и бедности, вдали от городской суеты и городских новин. В этих скитах выковывался тип крепких и сильных людей, способных говорить власть имущим всю правду в глаза. Иоаким, ученик Иринарха Ростовского, поселяется в Шартоме, недалеко от Шуи, пишет иконы и бесплатно раздает их: их считают чудотворными; многие рассказывают о связанных с ними видениях. Он подвергает резкой критике недостойного архиепископа Иосифа Курцевича, которого все боятся. За это он ссылается на Соловки, но в 1634 году его отзывают оттуда в Суздаль. Затем его чтят как святого¹⁵².

Противоположностью этих уединений, или скитов, с их типичным русским скромным бытом и трезвым подходом к жизни, являлись настоящие монастыри, вполне организованные общества, с игуменом или архимандритом во главе, с различными должностными лицами начиная от келаря и кончая управителями монастырских владений, с послушниками, с дарителями-мирянами, с потоками богомольцев и странников, с зимними и летними церквями, с монастырскими зданиями, с библиотекой, с погребями и складами, обладающие хорошим снабжением, с гостиницами, с высокими воротами и стенами, с дарованными им торговыми правами, с подворьями в Москве и в других местах. Эти монастыри представляли собой могущественные центры, где бился пульс всей страны; у них были благочестивые высокие покровители; монастыри эти богаты, но их значение с религиозной точки зрения далеко не одинаковое. Многие из них, возможно большая часть, предоставляли каждому монаху свободно распоряжаться своим имуществом: в них были, если настоятель монастыря слаб или недостаточно добродетелен, среди братии пьяницы, развратники, гордецы, интриганы, клеветники; но зато в этих же монастырях воспитывались деятели духовной науки и подвижники веры, способные защищать веру и обновлять духовную жизнь.

Таким монастырем был в особенности Троице-Сергиев монастырь. Дионисий возвратился к исполнению своих обязанностей настоятеля этого монастыря сейчас же после того, как улеглась непредвиденная буря, вызванная его попыткой исправить книги. Но он понимал свои обязанности в широком смысле слова, действуя, как воистину ревностный пастырь. Он отнюдь не забывал о доходах монастыря, сильно пострадавшего из-за войны и хищений,

---

¹⁵¹ Юшков. Очерки. С. 95–106.

¹⁵² Миловский. Неканонизированные святые // ЧОИДР. 1893. II. С. 5–17.

совершенных в его отсутствие; он требовал возвращения крестьян, незаконно «уведенных» к другим владельцам; он также старался не допускать несправедливостей и злоупотреблений, в которых были, по-видимому, повинны экононы Троице-Сергиева монастыря¹⁵³. Его можно видеть и на судебном процессе против монахов Спасо-Прилуцкого монастыря, который велся им из-за мельницы, которая была испорчена этими монахами с помощью колдуна¹⁵⁴. Однако большую часть своей энергии он отдавал духовному самосовершенствованию, что было областью, уже непосредственно зависевшей от него самого.

Уже в течение долгого времени церковным пением управлял головщик Логгин. Гордясь своим голосом и своими музыкальными способностями, он позволял себе украшать священные песнопения различными фиоритурами, из-за которых нередко ускользал смысл. Ему доставляло удовольствие сочинять на один и тот же стих от пяти до десяти мелодий: слова были для него лишь повод для музыкального сочинительства. У него были ученики, например, его племянник Максим, который умел исполнять одно и то же песнопение на семнадцать разных ладов. Логгин не был первым встречным: будучи образованным и гордым человеком, он позволял себе резко отвергать доводы архимандрита. Дионисий, со свойственной ему мягкостью, напрасно цитировал ему святого Павла: «Буду петь духом, но буду петь и умом (...) Если вы языком произносите неудобовразумительные слова, то как узнать, что вы говорите?» (1 Кор. 14: 15, 9). «Человек, который не понимает того, что сам говорит, подобен псу, который лает на ветер». Логгин никак не сдавался. Тогда Дионисий побеждал его примером: он начинал сам петь, приятным голосом, и священные слова, произносимые его голосом, отчетливо доносились в самые отдаленные места храма.

Уставщик Филарет спорил с ним о самом богослужении. Дионисий следил за тем, чтобы каждая служба совершалась в свое время, согласно уставу и без спешки. Однако, кроме того, он ввел при исполнении воскресных и праздничных служб определенные, дотоле не применявшиеся молитвы, возгласы, поучительные чтения, догматики и стихиры, которые ранее не входили в обиход Троицы. Он хотел, чтобы основные песнопения исполнялись скрупулезно и без отступления от канонов. Филарет обвинял его в новшествах. Монахи же упрекали Дионисия в том, что он затягивал ирмосы. Но Дионисий продолжал вкладывать в святое дело все свое рвение: всегда готовый облегчить людям исполнение их обязанностей, он не уступал в отношении Божественной службы: для Бога нет предела красоте! Он строил и восстанавливал церкви, делая это в самом монастыре, в его окрестностях, во всех его владениях. Бедным церквям он сам раздавал книги, кадила, сосуды, облачения, иконы. Для этой цели он содержал целый штат иконописцев, переписчиков, чеканщиков, золотых дел мастеров. Он был счастлив, когда вместо какой-нибудь медной или оловянной чаши, благодаря его энергии, появлялась чаша серебряная. Но там, где роскошь была недостижима, он требовал хотя бы соблюдения приличий.

Несмотря на всю мягкость своего характера, он считал, что необходимо добиться определенного минимума нравственности, достигая этого, если потребуется, хотя бы путем принуждения. Например, в одном монастыре, переданном Троице под начало для вразумления, крестьяне продавали монахам водку; когда все увещания и угрозы оказались безуспешными, Дионисий прибег к вмешательству царя и патриарха¹⁵⁵.

Но главным образом Дионисий занимался воспитанием своих учеников. Он любил в своих личных покоях принимать тех, в которых он угадывал будущих ревнителей веры. Это были послушники или молодые монахи, как например Дорофей, преждевременно умерший в 1614 году, про удивительные аскетические подвиги которого ходили рассказы, или Пор-

¹⁵³ Сворцов. Дионисий Зобнинский. С. 347–352, 359–366.

¹⁵⁴ Русская старина. 1912. Ноябрь. С. 423–424.

¹⁵⁵ Сворцов. Дионисий Зобнинский. С. 375–406.

фирий, который впоследствии стал архимандритом Рождественского монастыря во Владимире; далее священники окрестных мест, как Наседка; был тут и еще один больной – слуга княгини Ирины Мстиславской Булат Леонтьев, который в 1624 году стучится в дверь к архимандриту, получает от его руки помазанием святого елея исцеление, остается в течение шести лет возле него и позже, под именем Симона Азарьина, пишет с большим талантом ряд благочестивых работ, в частности Житие своего учителя; еще был тут и простой деревенский житель, страстно стремившийся к духовным подвигам и совершенству, в дальнейшем преследуемый за правду – не кто иной, как Иван Неронов, о котором будут в дальнейшем так много говорить. Одни только приходили и уходили, другие оставались его настоящими верными учениками. Всем в какой-то степени шли на пользу светлый пример и уроки почтенного архимандрита. Всем он прививал любовь к добру, вкус к чтению, внушал апостольское рвение и мысль о необходимости церковной реформы¹⁵⁶.

Создается впечатление, что Дионисий, после неудачи с исправлением церковных книг, не веря в возможность воздействия на массы верующих, избрал себе другой путь: сначала подготовить достойное своей задачи духовенство. Его келья была родом семинарии, духовным зерном, откуда должно было пойти многое на пользу Церкви.

---

¹⁵⁶ Не кто иной, как С. Ф. Платонов указал на значение педагогической деятельности Дионисия в своей работе «Москва и Запад в XVI–XVII вв.» (*Платонов*. Москва и Запад. С. 85–90.) В этом большая заслуга Платонова.

Второй период (1633–1645): Иван Неронов, Капитон и справщики

I

Годы учения Неронова; в Троице – у Дионисия; в Лыскове – у Анании

Среди скитов, появившихся в Смутное время, было, в частности, отшельническое общежитие Спаса-на-Ломе, на Малой Саре, в Вологодском воеводстве¹⁵⁷. Основатель его Игнатий, монах из Спасо-Прилуцкого монастыря, умер 28 декабря 1591 г., овеянный славой праведной жизни¹⁵⁸. Как обычно, вокруг священного места поселилось несколько крестьянских семейств¹⁵⁹.

В 1591 году, если верить преданию, в одном из этих семейств и родился Иван Неронов, или Иван Миронович¹⁶⁰. Его родители были простые крестьяне, и он вырос без всякого образования; его молодые годы протекали в обычном сельскохозяйственном труде, менявшемся в зависимости от времени года: летом и весной он работал в поле; после Петрова дня начинался сенокос на лугах или на болотах; затем шел сбор ягод и грибов; потом охота, рубка леса, его перевозка и распилка. То была тяжелая жизнь, чреватая опасностями, чуждая всякой изнеженности; жизнь, закаляющая тело и дух. На Ломе же жизнь носила более возвышенный характер, была одухотворенной. Это объяснялось наличием здесь скита, праведный основатель которого только что покинул эту землю. Вероятно, влияние его на этого молодого человека было огромно, а дух времени, безотчетное подсознательное стремление к реформе, очевидно, проникли и в эти места, иначе нельзя было бы понять того религиозного рвения, которое появилось у него, когда он покинул свою родную деревню.

Печальные последствия Смутного времени заставили Неронова уединиться. В декабре 1613 года отряды казаков и черкесов, преследуемые войсками нового царя, распространились по Северу, разоряя и сжигая незащищенные местности¹⁶¹. Однажды они наводнили район Вологды, разграбили и подожгли дом, где жил Неронов. Из многочисленных обитателей этого

¹⁵⁷ Самые точные сведения о Ломовском ските см.: *Титов*. Рукописи славян-//ские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. V. Прил... 188–189, а также: *Зверинский*. II. С. 85. № 684; *Амеросий*. История российской иерархии. VI. С. 958 и 1022; впрочем, во всех этих источниках наблюдается досадная путаница.

¹⁵⁸ Русский провинциальный некрополь. I. С. 328–329.

¹⁵⁹ В статистических данных 1859 года еще указано, что там, то есть на севере Ярославской губернии, между правым берегом Юга и границей Вологодской губернии, в 71 версте на север от Пошехонья, имелось одно селение, состоявшее из 26 дворов и 186 жителей (Списки населенных мест. Т. 50: Ярославская губерния. С. 165–166).

¹⁶⁰ Все, что нам известно о Неронове до его приезда в Москву, восходит к сочинению под названием «Житие и подвиги блаженного отца Григория, архимандрита бывша во обители Даниила Переславского» (напечатано Н. И. Субботиным: Материалы. I. С. 243–305). О написании этого анонимного жития можно сказать следующее: 1) оно было написано в Даниловском монастыре, где Неронов находился с 1667 г. до своей смерти в 1670 году; за это говорит то, что рукопись, в которой сохранились эти материалы (ГИМ. Собр. Уварова. № 185–4°. Л. 265–327 об.), начинается с Жития св. Даниила Переславского; 2) оно было составлено вскоре после смерти Неронова. Житие богато фактами и в той части его, которую можно проверить, неопровержимо; в общем, книга заслуживает доверия. Статьи о Неронове *П. Знаменского* (1869), *Харламова* (1881) и *Ф. Клишунского* (1886) не вносят ничего нового. Что касается даты рождения Неронова – 1591, то она вызывает сомнение: 1) согласно этой дате получается, что он умер в 1670 году около 80 лет, а на этот весьма преклонный возраст нигде нет указаний; 2) в самом Житии указано, что, когда он должен был уехать из Лома, он «становился юношей», судя по этому, ему было тогда максимум 15–16 лет: данное событие могло, следовательно, иметь место только в 1613 году.

¹⁶¹ *Верх*. Царствование царя Михаила Феодоровича. I. С. 93–94. Таким образом, эта область опустошалась в 1612, 1613, 1614 и 1618 гг. Но, принимая во внимание период, указанный в Житии («между Рождеством и его отданием»), речь может идти только о 1613 г.

дома одни погибли в огне, другие разбежались. Иван бежал со своим маленьким другом Ефимом, бежал, естественно, в ближайший город, в самую Вологду, верст за 60 от своего дома. Это было 6 января, в день Крещения, время разгула, гулянок и ряженных, обычаев испокон веков осуждаемых Церковью. Юный поселанин, у которого глубокая христианская вера укрепилась под влиянием событий, которые только что повергли его родных к близким в скорбь и нищету, увидел толпу людей, наряженных в дьявольские маски, некоторые из которых были уже в зрелом возрасте, увидел, как они бегали и бесновались в непристойных играх. Когда они выходили из одного большого дома, он попросил объяснить ему, что все это значит. Ему ответили: «Архиереев дом, и сии суть освященнии от него причетницы церковнии и прочии того архиерейскаго дому служители». Не будучи в состоянии сдержать свое негодование, он закричал во всеуслышание: «Не мню, дабы сей дом архиереев был, ибо архиереи поставлены суть от Бога пасти стадо Христово и учить люди Божия, еже огребатися всякаго зла и ошаятися бесовских игралищ». И он продолжал говорить еще в этом же духе. Веселящиеся же, как только прошло их первое изумление, накинулись вовсю на этого гостя, пришедшего не в пору. И под их ударами он продолжал обличать их¹⁶². Такова была прелюдия к деятельности реформатора русской Церкви.

Его оставили в покое, думая, что он уже мертв; Неронов пришел в себя к полуночи; несмотря на все, он был горд своим подвигом; он спасся из города благодаря милости Господней. На большой дороге он нашел своего товарища, который покинул его среди всей этой сумятицы. Вот они уже, наконец, возле Устюга, где они приняты певчим одной сельской церкви, неким честным человеком, по имени Тит. Он занимается их образованием. Ефим, возможно, более молодой, оказывается очень способным и, овладев элементарной грамотой и началами Закона Божия, возвращается к себе. А у Ивана ничего не выходит, как он ни старается, ни утомляет своих глаз над букварем, заливаясь слезами вместе со своим учителем, моля Господа помочь ему разобраться в Священном Писании. Наконец, через полтора года на него находит, неожиданно, просветление¹⁶³, и он наверстывает потерянное время, читает Часослов и Псалтырь и покидает гостеприимного Тита. Но он не собирается зарыть свой талант, приобретенный такой дорогой ценой, в родном местечке. Он хочет учиться еще и действовать. Он уходит из дома куда глаза глядят, доходит до Волги и приходит в большое село Никольское-Соболево¹⁶⁴, немного ниже Юрьевца. Там он поселяется у одного священника по имени Иван, своим усердием в церкви настолько располагает его к себе, что тот отдает ему руку своей дочери Евдокии¹⁶⁵. Тут сразу же он фактически становится, без посвящения в духовный сан, церковнослужителем: начинает служить в церкви в качестве чтеца и певца. Ему достаточно этих скромных функций для того, чтобы начать проявлять себя духовным руководителем – к чему он чувствует такую потребность. Когда он видит, как местные священники и другие клирики пьянствуют и ведут распутный образ жизни, он не перестает обличать их. И, очевидно, его обличения являются очень резкими и очень частыми, а строгость его представляется чрезмерной, потому что враги его пишут на него донос по всем правилам, направляя его патриарху Филарету.

Под этим доносом подписываются его тесть и несколько мирян. Неронову, лишенному всякой поддержки, без единомышленников, окруженному грубостью людей той эпохи, находящемуся под постоянной угрозой быть убитым за малейшую провинность, остается одно:

¹⁶² Материалы. I. С. 247.

¹⁶³ Преподобный Сергий подобным же образом, будучи ребенком, гораздо хуже учился, чем его братья, что длилось до тех пор, пока у него не произошло однажды просветления: это сходство, однако, не дает права подвергнуть сомнению то, что рассказывается о Неронове.

¹⁶⁴ На левом берегу Волги, Березниковский уезд, Юрьевецкого округа (*Готье*. С. 589).

¹⁶⁵ Материалы. I. С. 250. Этот брак не мог состояться раньше 1617 года; однако даже здесь, в Житии, Неронов назван отроком.

он предоставляет Господу судить злодеев, а сам исчезает, не предупредив об этом никого, кроме своей жены. Так как Никольское было подвластно Троице-Сергиевому монастырю¹⁶⁶, Неронов туда и направился. Разве не туда же стекались и паломники со всей Руси? Молодой человек отправился к святому Сергию и его ученику святому Никону просить помочь ему. Он молился, стоя перед церковью Св. Троицы, с такими горячими слезами, что один из служителей монастыря, проходивший мимо, сжалился над ним и повел его к себе в келью. Иван поведал ему о своих трудностях и чаяниях. На следующий день после всеобщей его покровитель повел его к архимандриту, который всегда был готов помочь всякой скорбящей душе. Таким образом Неронов и был принят в ученики Дионисия.

В эти годы, 1619–1625¹⁶⁷, Троице-Сергиев монастырь являлся своего рода центром религии и культуры возрождающегося Московского государства. Из двухсот монахов, находившихся там, правда, не все были примерными, но было достаточно и ярких индивидуальностей, и там Неронов получил возможность общаться с самыми замечательными людьми своей эпохи.

---

¹⁶⁶ В списке владений Троицкого монастыря в 1592–1629 годах, составленном Готье (с. 214–221), Юрьевецкий округ не числится, и поэтому проверить этот факт из Жития Неронова нельзя.

¹⁶⁷ Вероятно, пребывание Неронова в Троицком монастыре относится именно к этому периоду, но уточнить дату и продолжительность его пребывания там нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.